

Ярослав Зуев

Конец сказки

Триста лет спустя

Ярослав Зуев

Конец сказки

«Автор»

2007

Зуев Я. В.

Конец сказки / Я. В. Зуев — «Автор», 2007 — (Триста лет спустя)

Заключительный эпизод замечательной бандитской саги о трех рэкетирах. Приключения Атасова, Протасова, Армейца и Бандуры продолжаются. Пострадавшего в автомобильной аварии Андрея держат заложником в Ястребином – усадьбе Бонифацкого высоко в горах. Отправившиеся ему на выручку верные друзья попадают в серьезный переплет, вынуждены бежать и вскоре оказываются в заброшенном пещерном городе Кара-Кале, расположенном в ущелье, пользующемся у местных жителей дурной славой. Погоню за ними возглавляет сам Огнемёт, силы неравны, шансы выжить – мизерные. Но, неожиданно, охотники сами превращаются в дичь. Погони и кровавые разборки, интриги и загадки. Роман заинтересует не только поклонников этого цикла, но и тех, кто встретится с героями Ярослава Зуева впервые.

© Зуев Я. В., 2007

© Автор, 2007

Содержание

Глава 1	5
Глава2	18
Глава 3	34
Глава 4	51
Конец ознакомительного фрагмента.	61

ЯРОСЛАВ ЗУЕВ

«Конец сказки»

*Моим родителям, за жизнь и любовь,
Которой было напоено детство*

Глава 1

ЧЕРНАЯ КРЕПОСТЬ КАРА-КАЛЕ

– Ох, блин! – стонал Протасов, зажимая ладонями угрожающего вида гематому. – Уф! Ой, е-мое, дурак! Эдик, блин?! Ты что, заснул, бляха-муха?! Заснул, да, плуг неумный?! – Место, где череп Валерия протаранил лобовое стекло и одолел его, расцвело паутиной трещин.

Армеец отстегнул ремень безопасности, радуясь, что может относительно свободно дышать. Как только машины столкнулись, Эдик подумал, что грудной клетке настал конец.

– У меня, ка-кажется, два ребра сломаны, – сообщил Армеец жалобно, но никто из пассажиров «Линкольна» не оценил этого известия по достоинству. – Печет си-сильно.

– Печет, блин?! – завопил Протасов. – Сейчас, бля, не будет! Я тебе башку оторву! Козел безрогий! Куда ты, твою мать, смотрел, е-мое?!

– Он не-неожиданно из отстойника вы-вылетел! – оправдывался Армеец, подразумевая карман на дороге, предназначенный для отдыха водителей и мелкого ремонта автомобилей.

– Сам ты, блин, отстойник! – Протасов обернулся назад. – Вовка, ты как?

Волына сидел молча, уронив голову и привалившись плечом к двери.

– Вовка, блин?! – крикнул Протасов. – Что за пурга?! Эй, Планочник, а ну глянь, чего это с ним?!

Но Планшетов, отделившийся сравнительно легко – рассечением брови, смотрел в противоположную сторону, на двоянные задние колеса «КамАЗа», целиком заслонившие окна иномарки по правому борту. Резина скатов выглядела сильно изношенной, почти лысой, кое-где ее «украшали» вздувшиеся в результате аварии грыжи, заводская маркировка проступала еле-еле.

– 320 R 508 БЦ, – по слогам прочитал Планшетов. – Белоцерковские колеса. Какого хрена, спрашивается, этот пингвин нацепил на «КамАЗ» резину от «КрАЗа»?

– От какого «КрАЗа», бляха-муха, рогомет ты обдолбанный?! – завопил Протасов, безуспешно толкая дверь, наглухо заблокированную колесами грузовика. – О какой такой резине ты болтаешь, плуг?!

– Об этой, – Юрик ткнул пальцем в скат. Для этого ему даже не пришлось вытягивать руку. – Разуй глазки, Протасов. Ты чего, окосел?!

Вместе с глазами Валерий разинул рот. Грузовик перегораживал дорогу, как плотина гидроэлектростанции реку. Правый борт иномарки был смят, точно папиросная бумага.

– Где ты, е-мое, раньше был, со своей дальновзоркостью?! – зашипел Валерий, как только снова обрел способность говорить.

– Он с второстепенной дороги выскочил! – добавил Юрик, пытаясь перелезть через Вовчика, чтобы добраться до незаблокированной двери. Волына не подавал признаков жизни.

– Значится, пипец ему! – зарычал Протасов, предприняв тот же маневр в отношении Армейца. – Эдик, выпусти меня! – Дай я этому чурбану пасть порву!

Армеец, все еще ощупывавший грудную клетку с видом мнительного больного, убежденного в том, что повышение температуры тела на пару градусов неминуемо означает заболева-

ние СПИДом или птичьим гриппом, мимоходом отметил, что незадачливому водителю грузовика крышка, если только Протасов подберется к нему на расстояние вытянутой руки.

– Раздавишь меня! – кричал Армеец через минуту, очутившись под Протасовым.

– Отвянь, Эдик, не до тебя! – след от головы Валерия красовался на лобовом стекле в каком-нибудь сантиметре от изувеченной правой стойки. Придись удар чуть правее, и гематома величиной с грушу Бэра показалась бы ему сущим пустяком. Хоть, очевидно, он уже не смог бы оценить степень невезения, поскольку бы стал покойником. – Ну, гад, порешу на фиг!

Но, экзекуции не суждено было состояться, по-крайней мере в том виде, как рассчитывал Протасов. Не успел Валера протиснуться между Эдиком и рулем, как загремели выстрелы. Армейцу показалось, отовсюду, со всех сторон.

Планшетов, первым выбравшийся наружу, завертелся юлой, размахивая «Люгером»,¹ который вытащил из штанов, но стрелки скрывались в подступавших к дороге зарослях. Целиться было не в кого.

– В-в машину! – крикнул Армеец, запуская мотор. Планшетов все еще пританцовывал на дороге, словно отбивал чечетку, вопя дурным голосом. Эдик бросил сцепление. Раздался душераздирающий металлический скрежет, «Линкольн» заходил ходуном, но не сдвинулся с места. Из-под ведущих колес полетел гравий, в салоне запахло жженой пластмассой.

– Зацепились, е-мое! – заорал Протасов.

– Диск с-сцепления го-горит!

– Плевать на диск, блин, давай назад, валенок!

Под аккомпанемент этой перебранки Планшетов нырнул в салон.

Занятые освобождением «Линкольна» из ловушки приятели совершенно забыли о водителе «КамаЗа», который, собственно заварил всю кашу. И напрасно. Водитель, наконец, объявился в окне грузовика, держа в руке пистолет, который он немедленно пустил в ход. Первая пуля прошла сидение в сантиметре от плеча Протасова, вторая снесла зеркало заднего вида. Посыпались битые стекла.

Ох! – взвизгнул Армеец, хватаясь за лоб. Протасов, лихорадочно шаривший в бардачке, выдернул оттуда «Глок»,² полученный у Олега Правилова накануне поездки, передернул затвор и дал очередь по кабине, в мгновение ока опустошив магазин. Водитель исчез в окне, как перевернутая мишень из тира.

– Сматываем удочки, пацаны! – крикнул Планшетов. Это было дельное предложение, которое никто бы не стал оспаривать. Эдик снова ударил по педали газа. На этот раз им повезло. «Линкольн» наконец расстыковался с грузовиком, расплатившись правой передней дверью.

– Д-д-д!.. – задохнулся Армеец.

– Забей на дверь, блин! – посоветовал Валерий, осыпая заросли у дороги градом свинца, пока не опустел второй магазин. Как только это произошло, Протасов, отбросив пистолет, повернулся к Вовчику:

– Зема, где пулемет?!

Волына никак не отреагировал на этот призыв, он по-прежнему сидел, привалившись к двери, как пьянчуга на скамейке в пивной. Вместо вышедшего из строя Вовчика обязанности оруженосца принял на себя Планшетов. Нырнул в нишу под сидением, сорвал промасленные тряпки, протянул Валерию немецкий пулемет MG-42,³ еще одну вещицу, добытую Протасовым у Правилова.

¹ Пистолет немецкого конструктора Борхардта, переработанный Георгом Люгером (1849–1923), состоял на вооружении швейцарской и германской армий. Получил широкую известность как модель P-08 Парабеллум», от латинской пословицы: «Si vis pacem, para bellum», т. е. «Хочешь мира – готовься к войне»

² Пистолет австрийской фирмы «Глок» с обоймой на 17 патронов – одна из самых популярных моделей в Европе

³ MG-42, разработанный доктором Груновым для Вермахта, – один из лучших пулеметов Второй Мировой войны

– Ну, блин, держитесь, гуроны! – заорал Протасов. Последнее слово потонуло в оглушительном грохоте. Остатки заднего стекла исчезли, словно их и не было, стреляные гильзы со звоном посыпались в салон, по зарослям хлестнула тугая свинцовая струя, затем еще одна. Протасов повел стволом слева направо, затем вернул пулемет в исходную позицию. Планшетов, зажав уши ладонями, сполз по сиденью вниз.

Пока Валерий, вопя во все горло, хоть его все равно никто не слышал, утюжил кусты, Армеец, который примерно со второго выстрела начисто потерял слух, воткнул заднюю скорость. «Линкольн» кормой выскочил на обочину и снес синий дорожный указатель с цифрами, обозначающими расстояния до Симферополя и Севастополя. Из-под бампера посыпались искры. Затем Эдик рванул рукоятку переключения передач вверх, утопив в корпус лягушку педали акселератора. Пронзительно визжа шинами и рыская из стороны в сторону, «Линкольн» с ревом понесся в том направлении, откуда они не так давно приехали.

– Эдик, притормози! – попросил Протасов, едва приятели оказались вне зоны прицельного огня. Армеец среагировал не сразу, у него еще не восстановился слух. Ошметки лобового стекла только затрудняли обзор, Протасов разобрался с ними в три секунды, орудуя то темным ореховым прикладом, то длинным стальным стволом, над которым еще струился сизый дымок.

Без двери и стекол «Линкольн» приобрел определенное сходство с автомобилем, который начали переделывать в Багги.⁴ Дальше ехать пришлось с ветерком, но это было меньшее из зол.

– Главное, что резвости не у-утратил, – успокаивал себя Армеец.

– Ну, ты, Валерка, здоров стрелять! – обрел голос Планшетов. Если с рук брать – один масленок по баксу, чувак. Выходит, ты за минуту мультисистемный видак в воздух высадил, и еще соковыжималку в придачу.

– А ты думал! – Протасов раздувал щеки на ветру. – Ты не балабол, Планктон, гони запасную ленту. На всякий, блин, пожарный случай.

– К-кто на нас напал? – спросил Армеец. Это был не праздный вопрос, настало самое время его задать.

– Кто-то нас сдал, пацаны, – предположил Планшетов, вытягивая из спортивной сумки запасную ленту для пулемета. Подбросил в руках, а затем, для верности повесил на шею, что придало ему определенное сходство с революционным балтийским матросом, таким, какими их было принято показывать в советских фильмах, или штамповать на фабриках игрушек из пластмассы или даже олова.

– Бескозырку еще нацепи, лапоть! – посоветовал Протасов.

– Если они персонально нас до-ждалились, то, п-плохо дело...

– Ты гонишь, Армеец. Они тут, блин, всех так встречают, – осклабился Протасов. – Это у них такая акция, рекламная.

– Бе-без шуток...

– Какие шулки, чувак?! – отбросив сумку, Планшетов начал лихорадочно перезаряжать «Люгтер», шаря по карманам в поисках патронов. Их набралось – чуть больше пригоршни. – Тут двух мнений нет. И уши, будь уверен, растут из Киева.

– Н-ноги, – поправил Армеец. Его «Узи» лежал в багажнике, добраться до которого на ходу было невозможно, вследствие чего Эдик чувствовал себя рядом с вооруженными до зубов приятелями, как нудист среди монахов.

– Коню ясно, что нас сдали, – резюмировал Протасов. – Вопрос, блин, кто?!

– Хотел бы я знать, чувак...

Конец прениям положил Армеец, поглядывавший в уцелевшее левое зеркало «Линкольна».

⁴ Класс спортивных машин, оборудованных дугами безопасности, жесткой рамой и вездеходными колесами для гонок по бездорожью. Кузов в привычном понимании этого слова отсутствует

– За нами по-погоня, ре-ребята!

Протасов, крихтя, полез назад, выставил пулемет из окна, опустил на сошки, примостившись, упер приклад в плечо.

– Юрик, запасную ленту готовь.

– Все на мази, – откликнулся Планшетов.

– Ну, блин, кто не спрятался, я не виноват, – процедил Протасов, шурясь через секторный прицел, позволяющий вести прицельный огонь с расстояния в две тысячи метров. Не из подпрыгивающей на колдобинах машины, естественно.

– Д-дорога впереди пе-пе-пе... – начал Армеец.

– Перекрыта, – закончил за него Планшетов, в свою очередь заметивший несколько внедорожников впереди. Джипы стояли поперек дороги. У Эдика засосало под ложечкой. Это уже не походило на засаду, это была полноценная облава.

– Ты, блин, Эдик, что-то хорошее сообщать умеешь?! – буркнул с превращенного в огневую точку сидения Валерий.

– Если я те-тебе с-скажу, что там де-делегация барышень в кокошниках, с х-хлебом и солью, тебе с-станет легче?! – парировал Армеец, сбрасывая скорость.

– А ты, блин, как думаешь?! – огрызнулся Протасов.

– Эдик?! Направо уходи! В горы! – крикнул Планшетов.

Если слева от дороги простиралась степь, кое-где перемежаемая поросшими редколесьем балками, то справа были холмы, поднимающиеся все выше, чтобы перерасти в горную гряду на горизонте. Среди холмов Планшетов разглядел узкую асфальтовую дорогу, петляющую, будто виноградная лоза, карабкающаяся на стену. Местность была исключительно живописной, словно перенеслась из красочного туристического каталога «Предгорья Крыма», призванного завлечь отдыхающих. Впрочем, приятели, естественно, не могли оценить этого по достоинству.

Поскольку ничего другого не оставалось, Эдик свернул на проселок. Скорость была слишком высока, «Линкольн» едва не перевернулся. Планшетов только чудом не застрелился из «Парабеллума», который как раз закончил снаряжать. Матерясь, Протасов повалился на тело Вовчика, сжав в руках пулемет. Они столкнулись лбами. Валерий охнул, Волына не проронила ни звука. До Протасова, наконец, дошло, что с земой что-то не так. Отложив пулемет, он склонился к приятелю.

– Вовка? – крикнул Протасов, – эй, земляк?! – Прижался ухом к груди Волыны, но не уловил ни звука.

– Блин! Вот, блин, твою мать! Слышите, пацаны?! Вовку конкретно зацепило...

Планшетов и Армеец пропустили эту фразу мимо ушей. Джипы, преградившие им путь, наверняка пустились в погоню, поросший колючками каменистый склон, за который нырнул проселок, на время загородил их от охотников, но это было слабое утешение. Как только внедорожники пропали из виду, Планшетов принялся орать «Оторвались!», но, Армеец так не думал, полагая, что преследователи либо не ожидали от «дичи» подобной прыти, либо не спешили, зная, что могут не торопиться. Например, если дорога, на которую свернули приятели, ведет в тупик. Такое было вполне возможно, Эдик понятия не имел, куда они теперь несутся, сломя голову. Охотники же были у себя дома, где, как известно, помогают даже стены, и где каждый проселок знаком с детства. Пока Армеец потел от страха, воображая впереди очередную засаду (и, при этом, был весьма близок к истине), на Планшетова напал словесный понос, как бывает часто, в экстремальных ситуациях.

– К-куда эта за-задрипанная дорога ведет? – пробормотал Армеец.

– Как куда?! – рассмеялся Планшетов. Смех был визгливым, истерическим, и очень не понравился Эдику. – Ты еще не врубился, чувак?! В коммунизм, естественно!

Эдик ответил коротким недоумевающим взглядом, дорога петляла из стороны в сторону, считать ворон не приходилось.

Как, чувак, ты этого анекдота не слыхал? – удивился Планшетов. – Так он же бородастый? Про Брежнева и Картера?⁵

Армеец машинально покачал головой. Планшетов в этом не нуждался.

Мол, едут Брежнев с Картером договор ОСВ-1⁶ подписывать. А за ними погоня. Картер говорит: «Сейчас я с ними разберусь», и швыряет сотку баксов в окно. Преследователи шпартят, не останавливаются. Картер: «Ничего-ничего. Сейчас», и бросает две сотки – по барабану. Штуку – пополам земля. Догоняют. Делать нечего, Картер хватает ручку, подписывает чек на сто штук, и в форточку. Тот же результат. Все равно гонятся. Тут Брежнев так спокойно и говорит: «Дай мне кусок бумаги и ручку». Берет лист, пишет несколько слов, кидает на дорогу. И, что ты думаешь, Эдик? Хорьки по тормозам, да как крутанут рулем. Да как рванут, в противоположную сторону. Картер Брежневу: «Леонид Ильич, что ж ты им написал?» Брежнев: «Как что, Джимми? Правду, гм. Про то, что дорога ведет в Коммунизм!»

Если автострада из анекдота и увела Леонида Ильича в коммунизм, то убогая дорога, по которой довелось лететь изувеченному «Линкольну», вкручивалась в горный массив, как штопор в винную пробку. Гигантские валуны нависали над крутыми поворотами частоколом дамкловых мечей, готовых погresti все и вся под толщей обвалившейся породы.

И будут тогда «Похороненные заживо-3»,⁷ – ляпнул Планшетов в рамках своего словесного поноса.

– Ти-типун тебе на язык.

– Вы, что, блин, оглохли?! – взревел с заднего сидения Протасов. – Не слышите ни буя?!

– А что ты сказал? – осведомился Планшетов, все еще во взвинченном и одновременно приподнятом настроении. Как это ни странно.

– Вовку зацепило, козел ты безрогий!

– Как это, чувак? – Планшетов перегнулся с переднего сидения. Когда Валерий пополз назад, они совершили рокировку. – Что с ним, Протасов?

– Угадай с трех раз, чурбан неумный! – закипая, предложил Протасов.

– В него попали, да?

– А тебе, блин, повывлазило? Не дышит Вовка.

– Не дышит?! – Юрик вытаращил глаза. – А куда его ранили, чувак?

– Почему мне знать?! – зарычал Протасов. – Какая на хрен разница, куда, если мотор не бьется?!

– А оно точно не бьется? – переспросил Планшетов, белея.

– Я что, по-твоему, глухой?!

– Ре-ребята, вы сюда по-посмотрите! – выдохнул Армеец, не отрывавшийся от дороги. Она как раз обогнула утес величиной с океанский лайнер, лениво заваливающийся на борт после попадания торпеды. «Линкольн» въехал в ущелье, образованное отвесными известняковыми скалами, над которыми тысячелетиями трудились ветра, дожди и солнце, превратив в некое подобие титанической слойки. Скалы пестрели дуплами пещер, смахивающих издали на гнезда гигантских ласточек. Или на плод многодневных стараний великана, вооруженного перфоратором размерами с буровую вышку. Ущелье тянулось на юго-восток, напоминая по

⁵ Картер, Джимми, 39-й по счету президент США, был хозяином Белого дома с 1977 по 1981

⁶ Договор, предусматривавший ограничение стратегических вооружений в арсеналах двух сверхдержав, СССР и США, подписанный в Вене летом 1979 после переговоров, длившихся нескольких лет. Любопытно, что камнем преткновения для американской стороны стал уникальный советский бомбардировщик Ту-22М, тот самый самолет, от которого Украина поразительно быстро отказалась. ОСВ-2 так и не вступил в силу, администрация США отозвала его из сената

⁷ «Похороненные заживо 2», 1997 («Buried Alive 2»), триллер режиссёра Тима Матисона, в ролях Элли Шиди, Тим Матисон, Стивен Кэффри и др.

форме отпечаток гигантского веретена. Расщелины поросли пожухлой рыжей травой и какими-то бурными колючками, отчего без особого труда можно было представить себя астронавтом, изучающим негостеприимный Марс.

– Что, блин, за голимое место, е-мое?! – воскликнул Протасов, отвлекаясь от раненого, которому не знал, как и чем помочь. Глядя на гигантский каменный мешок, Валерий почувствовал себя гладиатором на арене древнеримского амфитеатра. Или обреченным на заклание быком, который поводит тяжелой, украшенной рогами головой, ощущая прессинг тысяч враждебных глаз, алчущих чужой крови. Протасов, которому и на ринге, и за его пределами не раз приходилось расплачиваться именно своей кровью, презирал этих питающихся чужими эмоциями извращенцев, как может только настоящий боец. Валерий сдвинул брови и стиснул зубы, в ожидании, когда ударит гонг. А что ударит – он несколько не сомневался.

Планшетов подумал о пещерах, облюбованных индейцами из страны Мепл-Уайта, созданной воображением Конан Дойла.⁸ В детстве Юрик довольно много читал. Книги были хорошими.

Асфальт неожиданно кончился, словно дорожные рабочие, укладывавшие его много лет назад, воткнули в землю лопаты, пораженные мрачным величием ущелья, а затем убрались по-добру, по-здорову, прихватив с собой грейдеры, бульдозеры и прочую технику, которой в этом месте явно не место. Как только шины «Линкольна» очутились на грунтовке, за машиной поднялся пылевой шлейф, длинный, как хвост кометы. Дорога сразу пошла в гору, причем подъем оказался таким крутым, что нос «Линкольна» задрался к небу, словно он превратился в реактивный самолет.

– Сусанин, твою дивизию! – не выдержал Протасов. – Что это, блин, за дыра?!

– По-понятия не имею! – крикнул Армеец, держа баранку двумя руками. Подвеска работала на убой, рулевое колесо била мелкая дрожь.

– Поконкретнее, Склифосовский, блин!

– П-предполагаю, перед нами какой-то пе-пещерный мо-монастырь. Или город.

– Какой монастырь, валенок?!

– Я что, э-энциклопедия, по-твоему?

– Ты ж учитель истории, е-мое!

Ч-что с того?! Пе-пещерные мо-монастыри го-горного Крыма – не мой конек, П-п-протасов. А у-укрепленные го-го-города караимов⁹ – тем паче!

– Каких караимов, лапоть?! Что за караимов ты сюда приплел, лох?!

– Я п-приплел?! – взвился Армеец.

– Ладно! – отмахнулся Протасов. – За дорогой следи, бандерлог.

Проселок, подымаясь все выше и выше, совсем как птица из довоенной строевой песни авиаторов,¹⁰ быстро терял последние рудиментарные признаки дороги, превращаясь в обыкновенную тропу, по которой бродят горные туристы и стада баранов. Поросшие лишайниками валуны валялись тут и там, грозя при столкновении вспороть брюхо «Линкольна», как консервную банку. Эдик сбросил скорость, машина поползла черепашьям ходом, завывая всеми шестью цилиндрами то ли на первой, то ли на второй передаче.

⁸ Роман «Затерянный мир» (1912) знаменитого писателя Артура Конан Дойла (1859–1930)

⁹ Караимы, дословно – «Люди Писания», религиозная секта и этническая группа одновременно. Возникла в VIII веке в Месопотамии, на территории Арабского халифата вследствие попытки богослова и политика Анана бен Давида реформировать иудаизм. Анан призывал почитать Тору (т. е. Ветхий завет), как источник высшей мудрости, при этом категорически отрицая Талмуд, другую священную книгу иудеев, и обвиняя раввинов в сознательном искажении библейских истин. Идеи караимов получили широкое распространение, однако впоследствии были искоренены огнем и мечом, поскольку угрожали существованию института раввината. Возможно, это было событие библейского масштаба, но его никто не заметил. Подробнее в книге Я.Зуева «В круге света»

¹⁰ Имеется в виду знаменитый «Авиамарш» композитора Ю.Хайта на слова П.Германа, провозглашенный в 1933 маршем ВВС СССР

– Что ты еще про это место знаешь? – нависал Протасов, озабоченно поглядывая по сторонам. То вперед, то назад, то на Волыну.

Впереди образовавшие ущелье скалы начали сужаться, как борта чайного клипера по направлению к форштевню. Если вы шагаете по трюму. Стало ясно, что «Линкольн» угодил в тупик. Вместе с пассажирами, у которых, правда, еще сохранялись кое-какие шансы выбраться из ловушки. Если рвануть пешком через горы.

Сам Ледовой о-отдал его П-правилу, а Олег Пе-петрович мне... – пробормотал Армеец, когда до него дошло, что с машиной придется расстаться. Правда, преследователи пока не появлялись, впрочем, расхолаживаться по этому поводу не стоило, они, наверняка знали, что ущелье представляет собой слепую кишку, следовательно, могли не спешить. Могли насладиться моментом, поскольку ожидание экзекуции безусловно страшнее самой экзекуции, как верно подметил в одном из своих фильмов Стивен Сигал.¹¹

– Те-теперь они нас возьмут, го-голыми руками...

– Только не голыми! – пообещал Протасов, поглаживая германский пулемет.

Армеец выжал сцепление. «Линкольн» остановился. Дорога закончилась.

– Тупик, – сказал Эдик и, задрвав голову, принялся изучать грязно-белую известняковую скалу, испещренную пустыми глазницами пещер. По мнению Эдика, скала смахивала на многоэтажку, из которой давно выселили жильцов. – Я даже не во-возьмусь определить, что перед нами, произведение природы или дело рук че-человека, – добавил он растерянно. – Карстовые пещеры не-невыясненного происхождения. Какой-нибудь памятник всесоюзного значения, охраняемый государством от в-всяческих вандалов. В-вроде вас. По-по нынешним временам заброшенный, естественно.

– Забей на него болт, чувак, – посоветовал Планшетов. Чует моя жопа, снабдят тут каждого из нас памятником. Персональным.

– Губу закатай, – откликнулся Протасов.

Они вылезли из салона, оглядываясь по сторонам. Площадка, на которой они стояли, была не больше теннисного корта. С нее открывался великолепный вид на все ущелье, которое они только что преодолели. Вид с птичьего полета.

– С-самая высокая точка ущелья. – Армеец почесал затылок. – Местный пентхаус.

– Хватит балаболить! – рявкнул Протасов. – Помогите вытащить Вовчика, е-мое!

Втроем они осторожно извлекли Волыну из кабины, устроили на земле, среди колючек.

– Держись, Вовка! – в который раз сказал Протасов. Губы Вовчика казались такими синими, будто он превратился в советского школьника, отхлебнувшего, потехи ради, чернил фабрики «Радуга» из толстостенной квадратной банки.

Вовка... слышишь меня?! – заорал Протасов, а затем, схватив Волыну за грудки, принялся неистово трясти. Армеец уже открыл рот, чтобы попросить друга не делать этого, когда произошло чудо. Синие губы дрогнули, Волына медленно открыл левый глаз, желтоватый после перенесенного в ТуркВО¹² вирусного гепатита.

– Зема... – прошептал Вовчик. Хотел улыбнуться, но вместо улыбки получилась жалкая гримаса.

– Держись, брат! – выдохнул Валерий.

– Держусь, – одними губами сказал Вовка.

– Молоток, – ободрил его Протасов, утирая со лба крупные капли пота. – Фух. Все будет ништяк. Скороотремонтируем тебя, забегаешь, как новенький.

– Холодно, зема.

¹¹ Сигал Стивен, р.1951, известный американский актер, режиссер и продюсер, а также мастер боевых единоборств, которому удалось первым из не японцев открыть в Токио собственную школу айкидо. Интересно, что она располагалась в одном из районов, облюбованных якудза

¹² Туркестанский военный округ

– Холодно? – выкрикнул Протасов. Армеец и Планшетов у него за спиной обменялись многозначительными взглядами. Солнце готовилось заступить в зенит и основательно припекало.

– Помираю я, зема, – прошептал Вовчик.

– Ты гонишь, е-мое! Никаких «помираю», понял, да?!

Волына собирался что-то ответить. Уголок его рта дрогнул.

– По-любому... – сказал Волына. И закрыл глаз. Протасов, закусив губу, отвернулся.

– Пацаны, к нам гости, – Планшетов с тревогой всматривался вдаль, где три или четыре машины неслись по ущелью, волоча за собой плотные пылевые хвосты. – Резво идет, гниды...

– Ага, как на п-параде...

Армеец перевел взгляд на темные жерла пещер за спиной. Теперь, когда столкновение с охотниками стало неизбежным, пещеры уже не казались такими зловещими, как с первого взгляда. Напротив, Эдик подумал о них с определенной долей симпатии. Конечно, ведь там наверняка должен был быть выход. Если хорошенько поискать.

– Как думаешь, выберемся через них? – с надеждой спросил Планшетов.

– Думаю, да, – ответил Эдик. – Если по-повезет. Хотя, пещера пещере рознь. Нам на плато надо п-пробиваться. На противоположную сторону кряжа. Если сквозную найдем, дальше, г-горными тропами, возможно...

– А потом, чувак?

Эдик пожал плечами. Впереди был длинный путь, они находились в самом начале.

– Выбираться с полуострова.

– А он? – Планшетов кивнул в сторону расprostертого на земле Вовчика. Эдик предпочел промолчать, даже отвернулся, для верности, в душе полагая, что при любых раскладах раненый, скорее всего, не будет им обузой, поскольку скоро умрет. Вот и все. Но, он не спешил озвучивать свои мысли. Это сделал за него Протасов. По-своему, естественно.

– Еще раз такой намек дашь, Юрик, урюк ты, блин, неумный, – зловеще пообещал Протасов, сопя, как бык, – и все. Удавлю голыми руками. Въехал?

– А что я сказал?

– Мне, б-дь, по бую. Ты меня слышал, гнида!

– П-прекратите, – поднял руку Армеец. – Надо уходить. Срочно. Не-не-немедленно...

Протасов, крякнув, поднял Волыну на руки и, не оборачиваясь, зашагал к пещерам.

Эдик уже было собрался поспешить за ними, когда голову Планшетова осенила неплохая идея. Не из тех, что часто гостили в головах блистательных полководцев вроде Ганнибала или его врага Луция Сципиона,¹³ но тоже довольно дельная. Если только подфартит.

– Эдик? Тебе «Линкольн» жалко?

– В с-смысле?

– Ну, ему ж так и так конец?

– ?

– Давай тачку на этих парашников столкнем?! Прикинь эффект, а, чувак?

От этих слов Армейца передернуло.

Про Маресьева¹⁴ читал?! – расплылся Планшетов. – Смерть фашистским оккупантам. Запустим твой «Линкольн» им прямо в лоб. Прикинь?! Вот пингвины обосрутся!

¹³ Ганнибал Барка, (246–183 до Р.Х.), прославленный полководец, главнокомандующий армией Карфагена. Один из самых непримиримых врагов Рима на протяжении всей истории. После беспримерного перехода через Альпы (218), который позднее удалось повторить лишь А.Суворову и Н.Бонапарту, чуть не взял штурмом Рим, после чего выражение «Ганнибал у ворот» стало нарицательным. Покончил с собой, чтобы не дать в руки римлянам; Публий Корнелий Сципион Африканский Старший (236–184 до Р.Х.), оппонент Ганнибала, полководец 2-й Пунической войны. Был, как и прочие римские стратеги неоднократно бит Ганнибалом, но, опираясь на колоссальные ресурсы Рима, реорганизовал армию, и, в конце концов, разгромил противника в битве при Заме (202). Умер в изгнании

¹⁴ Маресьев А.П., (1916–2001) – легендарный летчик, Герой Советского Союза, послуживший прототипом героя повести

Джипы преследователей покрыли добрых две трети расстояния и теперь карабкались по крутому склону, сбившись в такую плотную кучу, что представляли исключительно заманчивую мишень. Скорость продвижения внедорожников упала, дорога, больше напоминающая русло обмелевшей горной реки, делала свое дело.

– А если п-промажем?! – колебался Армеец.

– Да тут пьяный ежик, и тот не сплхует. – Планшетов прищурился, прицеливаясь. – И потом, какая разница? Хуже все равно не будет.

– Ты так ду-думаешь?

– Я не думаю, это факт.

Джипы были уже совсем рядом. Многоголосый рев моторов наводил на мысли о рассерженном улье. Правда, пчелы были великоваты.

Тут и незрячий в яблочко засадит. Как этот, как его... который стрелял с завязанными глазами на ярмарках, и еще тиролку с головы не снимал... Вильгельм Пик,¹⁵ верно?

Армеец наморщил лоб:

Ты, о-очевидно, Вильгельма Теля¹⁶ имеешь в виду?

– Ага. Того, что под Робин Гуда косил.

– Тогда Т-теля. Только он ни под кого не косил.

– А, без разницы, – беспечно отмахнулся Планшетов. – Слушай, а Пик этот, выходит, что из другой оперы?

– Из со-совершенно другой, – заверил Армеец.

– И рядом не стоял, да?

– Пальцем в небо...

Планшетов вздохнул:

– Ну и фиг с ними двумя. Ладно, давай на счет три. А то у меня сейчас икру судорогой сведет. И-и-и, раз...

* * *

Приятель встал по бокам обреченного «Линкольна», как почетный караул у гроба генсека. Левая дверь была открыта нараспашку, Планшетов давил на педаль тормоза ногой. При выключенном двигателе от гидроусилителя тормозов толку, как от фонарика без батареек, весила же машина Армейца порядочно. Оба воротили носы. Из салона разило бензином. Приятель вывернули на пол половину двадцатилитровой железной канистры, половина продолжала плескаться в емкости на заднем сидении, в качестве бомбы замедленного действия.

– А я ни разу в боулинге не был! – крикнул Планшетов с нервным смешком. – Прикинь несправедливость, а?

– Се-сейчас?! – фыркнул Армеец отдуваясь. Протасов у них за спиной как раз добрел до стены, устроил Вовчика среди лишайников и присел на корточки, переводя дух и смахивая ливший градом пот.

Бориса Полевого «Повесть о настоящем человеке»

¹⁵ Пик, Вильгельм (1876–1960), один из основателей компартии Германии, соратник К.Либкнехта и Р.Люксембург. После прихода Гитлера к власти бежал в Париж, оттуда в Москву, где «перековывал» немецких военнопленных. После образования ГДР (1949) стал ее президентом

¹⁶ Меткий стрелок, герой освободительной войны швейцарских горцев с австрийцами в XIV веке, воспетый в народном эпосе. Главный персонаж одноименной драмы Ф.Шиллера и оперы Дж. Россини. Согласно легенде, за неуважение, проявленное к австрийскому наместнику, Телля заставили выстрелить в яблоко, поставленное на голову сыну. Средневековые хроники сообщают, что Телль попал в яблоко, его выстрел послужил сигналом к восстанию, а очередная стрела досталась самому наместнику

Давай! – скомандовал Планшетов. Джипы выскочили на финишную стометровку, когда им навстречу, охваченный огнем, словно миноносец «Сын Грома» из знаменитого романа Уэллса,¹⁷ потрясшего Юрика в юности, устремился обреченный «Линкольн».

Как и следовало ожидать, появление импровизированного сухопутного брандера¹⁸ посеяло в рядах преследователей жестокую панику. Головной джип заблокировал колеса, водитель ведомого безнадежно запоздал. Или перепутал педали, что в стрессовой ситуации случается сплошь и рядом. В результате второй врезался в корму головному и заглох. Третий отвернул вправо, наскочил на валун и лег на борт с такой легкостью, словно был изготовленным из гофрированного картона макетом. Четвертый внедорожник, водитель которого вообще ничего не заметил за высокими задками передних машин и поднятой ими пылью, по консистенции не уступающей дымовой завесе, ударил второго, поддев как бык матадора.

– Вау! – торжествуя, завопил Планшетов. – Шведский бутерброд! Кто последний, тот и папа?! Прикинь, какой облом!

– Па-паравозики ту-ту, я и-иду, – в свою очередь крикнул Эдик. Под впечатлением яркой автокатастрофы он даже перестал сожалеть о «Линкольне».

А между тем автомобиль, доставшийся Эдику от Правилова, а тому, в свою очередь, от самого Виктора Ледового, только набирал скорость. Уцелевшие пассажиры джипов смотрели на него глазами матросов, заметивших приближающуюся торпеду.

– Реальная куча мала вышла! – закричал со своей позиции Протасов. – Мы пацанами, помню, в короля горы играли, так похожие кучи получились!

Снизу полыхнуло пламя. «Линкольн» врезался в головной джип, канистра взорвалась, за ней последовал бензобак, и обе машины исчезли в огне. Планшетов, исступленно вопя, пошел в пляс. Как дикарь, которому на охоте посчастливилось посадить на рожон¹⁹ пещерного медведя.

И тут откуда-то посыпались пули, сухо шелкая по камням и подымая облачка пыли. Они падали с неба, совсем как дождь.

– Бегите, пацаны! – заорал Протасов, стреляя куда-то вверх, как солдат комендантского взвода на похоронах крупного военачальника. Эдик подскочил, как ужаленный, и припал на одно колено.

– Нога!

– В укрытие! – вопил Протасов. Пулемет даже в его ручищах ходил ходуном, как брандспойт в руках пожарного, речи о прицельном огне, естественно не было и быть не могло. Скорее, это был огонь заградительный.

Вскинув голову, Планшетов вроде бы разглядел несколько стрелков, прячущихся в одной из пещер прямо у них над головами. С занимаемой ими позиции Планшетов и Армеец должны были стрелкам двумя мишенями из тира и, очевидно, если бы не пальба Протасова, оба были бы уже мертвы. Валерию сложно было попасть, зато он заставил стрелков залечь, сбил им прицелы, это обстоятельство и спасло жизни Армейцу с Планшетовым.

– Бежим! – Юрик подставил Армейцу плечо. Через полминуты все трое тяжело отдувались под защитой каменного козырька, шириной в несколько метров.

– Спасибо, чувак! – выдохнул Юрик, переводя дух. – Если б не ты...

– Ленту давай! – Протасов повел стволом пулемета в сторону догорающих внизу джипов.

– Ах ты, черт! – Юрик в досаде хлопнул себя по лбу. – Она в «Линкольне» осталась!

Какое-то мгновение Армейцу казалось, что Валерий прикончит Юрика прямо на месте, пользуясь ставшим бесполезным пулеметом как дубиной, но Протасов, устало вздохнув, только

¹⁷ Юрик зачитывался знаменитым романом Г.Уэллса «Война миров», написанным в 1898 году

¹⁸ Небольшое судно, нагруженное горючими и взрывчатыми веществами, во времена парусного флота применялось для торпедирования вражеских судов

¹⁹ Копье с длинным крепким древком, применявшееся для охоты на медведя

молча сплюнул на грунт, прислонил МГ к известняковой стене и, кряхтя, опять поднял Вовчика на руки.

– Дай помогу, – предложил Планшетов.

– А, не парься...

Планшетов обернулся к Армейцу:

– Сильно зацепило, чувак?

– Те-терпимо...

– Сам идти сможешь?

Эдик попробовал, ничего не вышло.

– Разве что на одной но-ноге прыгать... – сообщил он чуть не плача. – П-полная кроссовка крови... на-набежала.

Планшетов присвистнул:

– Надо перевязать. Только давай сперва отсюда смотаем. В темпе вальса.

– Давай, – спорить не имело смысла.

– Я перевяжу, – бросил через плечо Протасов. – Позже.

Вход в ближайшую пещеру располагался практически на уровне земли и проникнуть в нее не составило большого труда. Не сложнее, чем перешагнуть порог. Тем не менее, очутившись внутри, приятели будто оказались в другом мире. Полуденное солнце накалило воздух в ущелье, в пещере же он казался кондиционированным, хоть никаких кондиционеров, естественно, не было. Древние, как выяснилось, обходились без них, и ничего, получалось. Кроме того, тут господствовал мрак, со свету казавшийся непроглядным и всепоглощающим. Глазам еще только предстояло приспособиться. Для этого требовалось время. Вскоре Протасов громко охнул, видимо, ударившись макушкой о какой-то прятанный в темноте выступ.

– Блин! – громко выругался Валерий. – Были бы мозги, было бы сотрясение, в натуре!

Какое-то время приятели брели во тьме, как персонажи известной легенды, пока Данко²⁰ не совершил акт суицида, бесполезный, как и все подобные поступки. Потом Протасов снова подал голос. Теперь он споткнулся о ступени, вытесанные прямо в скале:

– Вот, б-дь, – пробасил Валерий, – тут, блин, лестница, пацаны.

– Потихе, чувак, – попросил Планшетов. Стрелки из верхних пещер могли быть где-то неподалеку, следовательно, не мешало держаться на чеку. Тем более, что отряд понес потери, которые сказались на боеспособности. – Вниз лестница, или вверх.

– Наверх, – хриплым шепотом сообщил Протасов, и Эдик машинально ответил, что он не огрызнулся, как следовало ожидать.

– Чувак? Пусти нас с Эдиком вперед, – предложил Юрик.

– А толку? – отдувался Протасов, сгибаясь под тяжестью Вовчика. – Что это тебе даст.

– Все же л-лучше, – возразил бледный как смерть Арамец. Эта бледность делало его лицо слегка различимым, казалось, оно начало светиться, словно его сделали из фосфора. В обнимку с Планшетовым они напоминали знакомого советским детям Тянитолкая Корнея Чуковского.

– Команда инвалидов, – бурчал Протасов, переходя из авангарда в арьергард.

Они начали медленно подниматься по лестнице. В ней оказалось не больше трех десятков ступеней. Лестница вывела приятелей в длинный узкий коридор, связующий в единую систему лабиринтов, как вскоре выяснилось, великое множество пещер. То тут, то там беглецам попадались ответвления от главного коридора. Некоторые из них походили на лазы, но были и такие, где бы свободно проехал и паровоз. И те и другие замечательно подходили для засады,

²⁰ Как известно, герой произведения Максима Горького «Исповедь Изергиль» Данко со словами «Что еще я могу сделать для людей?» вырвал себе сердце, чтобы оно освещало путь бредущим во мраке соплеменникам

которая не оставила бы приятелям ни единого шанса. Пока что им хотя бы относительно везло, но никто не мог дать гарантии, что везение не оборвется автоматной очередью из-за угла.

Постепенно глаза свыклись с темнотой, кроме того, некоторые пещеры оказались скудно освещены рассеянными солнечными лучами, проникающими откуда-то сверху. Тогда непроясненный мрак отступал в углы, освобождая место сумраку.

– Если ка-катакомбы разветвленные, а по-похоже, так оно и есть, то они за-запросто могут вообще потерять наш след, – нарушил молчание Армеец. – В-вполне вероятно, уже потеряли. А собак у них нет.

– Хорошо бы, чувак, – поддержал Армейца Планшетов. Протасов отделался сопением. Было очевидно, Валерий выбился из сил. Пора было сделать привал. Хотя бы для того, чтобы Валерий смог отдышаться, а, отдышавшись, остановил кровотечение из поврежденной ноги Эдика. Институт физкультуры, который Протасов окончил много лет назад, наградила его двумя специальностями, тренера по боксу и массажиста. Массажист, конечно, не заменит травматолога, но, согласитесь, все же предпочтительнее дирижера или риэлтора. Не мешало также оценить состояние Вовчика, хоть здесь Протасов был, вероятно, бессилён. Вольна не подавал признаков жизни. Его голова безвольно болталась при каждом шаге Протасова, и Планшетов, обернувшись, подумал, что зема напоминает большую куклу, у которой башка держится на паре ниток.

Некоторое время пол штольни шел параллельно земле, потом начался подъем, еле заметный, но затяжной и изнурительный. Протасов, продолжавший тащить Вовчика, окончательно обессилел, он задыхался и хрипел, словно больной бронхитом. Армеец больше не разговаривал, повиснув на плече Планшетова как рюкзак. Затем снова им начали попадаться перекрестки, образуемые коридорами меньших размеров, они ответвлялись от главного, как ветви. Приятели сбились со счета и полностью потеряли ориентацию, никто из них толком не представлял, в какую сторону они вообще идут. Да и имело ли это значение? Планшетов, взваливший на себя неблагодарную роль проводника, склонялся к тому, что ни малейшего.

– Заблудились, блин, – охал в затылок Протасов. – Вечно теперь, блин, придется в потемках бродить?

Не успел Валерий закончить фразу, как впереди забрезжил свет, сначала показавшийся приятелям таким робким, словно исходил от слабенького ночника. Они прибавили шагу, обогнули несколько поворотов, пока не очутились в хорошо освещенной пещере площадью метров в сорок. В одной из ее стен зияла дыра размером с панорамное окно, почти правильной прямоугольной формы. За окном пронзительно голубое небо сдавало позиции целой армаде фиолетовых грозных облаков, которые надвигались плотным строем.

«*Вечером будет дождь*», – отметил Планшетов. Впрочем, пока они были внутри горы и не рисковали промокнуть. Коридор миновал пещеру и шел дальше, темный и абсолютно безлюдный.

– Привал, – сказал Протасов таким голосом, что у приятелей не осталось сомнений: Валерий не сойдет с места даже под страхом смерти. Планшетов усадил Эдика, а потом помог Валерию осторожно опустить на землю Вольну. Как только это произошло, Протасов, чувствуя себя Атлантом, у которого выдался отгул, растянулся рядом.

– Надо бы глянуть, что с Эдиком, чувак, – сказал Юрик, озираясь по сторонам. Он казался самым свежим из всей четверки.

– Вода у кого-нибудь есть? – прохрипел Протасов.

– Откуда, чувак? Кто ж знал, что так обернется? Ты б рану Эдика посмотрел...

– Позже, – веки Протасова сомкнулись.

– У нас сейчас каждая единица на счету, – укоризненно заметил Планшетов.

– Ты треплешься, как политрук из Брестской крепости, – пробормотал Протасов, не открывая глаз.

– Я и есть красноперый. Только флаг проширял. Ладно, давай, займись Армейцем, а я пока на рекогносцировку сгоняю. Идет?

– Куда сгоняешь? – не понял Валерий, но Юрик уже двинулся к окну.

Глава 2

СХВАТКА В ПОДЗЕМЕЛЬЕ

Пока Протасов, при помощи финского ножа резал джинсы на ноге Эдика, Планшетов проскользнул к окну, если этим термином позволительно назвать почти прямоугольное отверстие в известняке, примерно метра три на четыре. За «окном» Юрик обнаружил скалистый выступ шириной с хорошую лоджию.

– Отпад, чуваки, – прошептал Планшетов. – Этаж седьмой, чтоб не сбрехать. Или девятый. Ну и ну...

Это действительно было так. Коридор, по которому они брели тошнотворно долго, вероятно, закручивался спиралью, так что приятели очутились примерно в том же месте, где столкнули «Линкольн» с горы. Только гораздо выше. От входа в пещеру теперь их отделяло двадцать метров отвесной скалы. А то и все тридцать. Через окно открывался такой вид, что у Юрика захватило дух. Весь пещерный город был перед ним, как на ладони, гигантские соты, из которых не выкачаешь мед. Скалистый кряж слева венчали руины крепостной стены, по крайней мере, Планшетов подумал, что вполне логично было возвести в этом месте крепость. Издали кряж напоминал слоеное тесто, разрезанное напополам, и Юрик, на мгновение отвлечшись, вспомнил козырное блюдо покойной мамы, торт «Наполеон», пропитанный густым белым масляным кремом. Что-что, а готовить его мать умела, пока не спилась.

Скользнув взглядом по горизонту, где косматые утесы, кое-где увенчанные каменистыми проплешинами, обрывались над степью, как оставшаяся неприступной твердыня, Планшетов, осторожно подавшись вперед, сконцентрировался на изучении самого ущелья. Первыми ему бросились в глаза обуглившиеся остовы нескольких автомобилей, в которых с трудом угадывались джипы. К удивлению и досаде Планшетова, столкнувшиеся машины уже догорели. Как и можно было предположить, крепче всех досталось «Линкольну» Армейца и головному внедорожнику, которые сгорели буквально дотла. Планшетов подумал, что из трех остальных джипов при известном старании, пожалуй, удастся слепить один. А то, и полтора. У машин топтались несколько людей, с высоты казавшихся двуногими тараканами. Больше никого разглядеть не удалось. Видимо, преследовавшие их бандиты углубились в пещеры. Высунувшись чуть дальше, Планшетов принялся изучать похожий на лоджию скалистый выступ, который про себя окрестил «балконом». «Балкон», начинался сразу под приютившей приятелей пещерой и тянулся вдоль отвесной стены на добрый десяток метров, а затем скрывался за изгибом скалы. Встав на четвереньки, Планшетов выглянул за край выступа, чтобы рассмотреть, куда ведет «балкон», и можно ли, набравшись храбрости, перебраться по нему в другие пещеры, если такая необходимость возникнет. Подтвердить или опровергнуть предположение не удалось, зато Юрик удостоверился в том, что скалистый выступ не одинок, напротив, похожие имеются и сверху, и снизу, придавая горному кряжу некоторое сходство с фасадом многоэтажки, возведенной по распространенному некогда «чешскому» проекту.²¹

Юрик высунулся еще дальше, когда отчетливо услышал мужские голоса, доносившиеся откуда-то сверху. Практически одновременно в ноздри ударил запах импортных сигарет, которые в те времена еще были в диковинку.

«Магна», – мелькнуло у Планшетова. От неожиданности у него перехватило дыхание. На коже выступил пот, в таком количестве, словно Юрик не мучался от жажды. «И как я так опростоволосился?» — эта мысль буквально заклинила мозг. Планшетов распластался на кам-

²¹ Имеются в виду 9-ти этажные жилые дома с квартирами т. н. «улучшенной планировки», возводившиеся в 1970-е годы в СССР при содействии чешской государственной компании «PSG International»

нях, холодея от предчувствия выстрела, который раздробит ему хребет или затылок, и горячо сожалел о том, что не родился хамелеоном, для которого прикинуться булыжником – раз плюнуть. Но, его время еще не пришло, поскольку враги оказались слепцами. Соблюдая чрезвычайную осторожность, Планшетов перевернулся с живота на спину, и принялся смотреть вверх. Кряж высился над ним, будто башня из известного романа Кинга, причем количество верхних ярусов как минимум не уступало числу нижних. Хозяев напугавших его голосов Планшетов сначала не разглядел. Только спустя минут пять ему удалось засечь сизый табачный дымок, выплывающий из пещеры несколько правее и выше той, где он оставил Протасова с Армейцем.

Курение – злейший враг маскировки. Не даром оно строго-настрого запрещено караульными уставами большинства современных армий. За то, что демаскирует часового, и отвлекает от прямых обязанностей. Кстати, уставы запрещают и болтовню на посту. Но, кому они сейчас указ?

Курильщик и Планшетова разделяли метров двадцать уже известного нам карниза, в одном месте казавшегося отвратительно узким. Впрочем, недостаточно чтобы заставить Юрика отказаться от намерения совершить разведку боем, как наверняка выразился бы Правиллов. Конечно, для этого предприятия требовались известная сноровка и, естественно, везение. Юрик решил, что и первое, и второе есть. Он на секунду заглянул в пещеру. Там царил полумрак, от которого его глаза успели отвыкнуть. Тем не менее, Юрик сумел разглядеть приятелей. Эдик дремал в углу, привалившись головой к стене. Его правая брючина была разрезана до колена, как у Волка в одной из серий «Ну погоди», которые Юрик обожал смотреть в детстве. Повязки на ноге не было. Протасов склонился над лежащим навзничь Вольной. Юрик сумел рассмотреть лишь широкую спину Валерия, и рифленые подошвы тяжелых армейских ботинок Вовчика, с размашистыми надписями «IN GOD WE TRUST» на каждом. Юрик задержался на мгновение, наблюдая за действиями Валерия. На рубашке Вольны брызнули пуговицы, Протасов снова приник ухом к волосатой груди приятеля, потом неожиданно отпрянул и издал удивленный возглас.

– Что? – напрягся Планшетов. – Что стряслось, Валерка?

Но, Протасов его, похоже, не услышал. Он был на своей волне.

– А ну, погоди! – продолжал Валерий, держа на ладони какой-то амулет, до того висевший у Вовчика на шее. – Ах ты, крыса! То-то я гляжу, ремешок знакомый. Это ж мой талисман. Вот жопа самоходная! Жлоб африканский!

– Какой талисман? – удивился Планшетов.

– Мой, – отозвался Протасов. – Мне его Ксюша подарила.

– Какая Ксюша, чувак?

– Дочка хозяйская, с Пустоши.

– С какой Пустоши, чувак? С той, где вы с Вованом последние полгода зашифровались?

– А этот гад взял и спер, – добавил Протасов, он больше разговаривал сам с собой. –

Мурло, блин...

– Что за талисман, брат?

– Против зомби.

– Против кого? – Планшетов едва не подавился.

– Против живых мертвяков. – Протасов почесал лоб, – которые по ночам из могил встают.

Только вот против пуль он, видать, не фурычит, – добавил Валерий, возвращая амулет на шею Вовке. – Хотя я так и не врублюсь, куда его пуля ударила?

– Не дышит? – спросил Планшетов. Валера сокрушенно покачал головой. Юрик принял решение:

– Ладно, Валерка. Вы тут передохните, короче. Я на одну минуту.

– А ты куда?

– На разведку. Только сидите тихо. А то, сдастся, у нас соседи появились. Я сползаю, разнюхаю, что и как.

Протасов снова еле заметно кивнул. Армеец не шелохнулся.

Сунув «Люгер» за ремень брюк, Юрий вернулся на карниз, хоть и достигавший ширины балкона в элитном доме, но не оборудованный, к сожалению, перилами. Поэтому двигаться пришлось черепашьими шагами, тесно прижавшись к стене. Ее поверхность была шершавой, теплой и приятной на ощупь. Поросшие какими-то выюнами трещины делали скалу похожей на панцирь исполинской древней черепахи, возможно, той самой, на которой, согласно легенде, покоится все мироздание. По крайней мере, мир самого Планшетова сейчас напрямую зависел от нее, а он, этот мир, был ничуть не хуже всех прочих миллиардов миров.

С величайшей осторожностью переставляя ноги, на которых, по счастью, были кроссовки «Пума», а, скажем, не туфли на высоких каблуках, Юрий медленно двинулся по карнизу, чувствуя себя пигмеем на вечеринке у великанов. Одно неверное движение грозило полетом без парашюта до земли, без малейшего шанса выжить. Впрочем, Планшетов не собирался доводить до этого. Вниз он вообще не смотрел, прекрасно зная, что земля умеет звать к себе, только на нее взгляни.

«Я дойду», – твердил, будто молитву, Планшетов. В горах исключительно важно сохранять выдержку и спокойствие, которые, правда, не стоит путать с самонадеянностью. Поскольку, это чревато неприятностями.

В юности Юрий довольно серьезно увлекся альпинизмом, даже получил спортивный разряд, побывав в тренировочном лагере на Чегете.²² Тогда про него говорили: ловкий, как кошка. В те времена страну еще не порвали на тряпки, словно старое одеяло, которое каждый тащил на себя, никаких виз никуда не требовалось, цены повсюду были копеечными, а за занятия спортом вообще не нужно было платить. Удивительно, но факт. «Людоедское» социалистическое государство, обозначаемое на картах четырьмя буквами СССР, империя зла по-американски, зачем-то, видимо, вследствие своей звериной антинародной сущности, финансировало сотни тысяч секций и клубов, вместо того, чтобы пичкать население телесериалами и водкой. Правда, с тех пор прошло немало лет, обновленное, капиталистическое государство прагматично рассудило, что столько спортсменов ему без надобности, да и сам Юрий не изменился в лучшую сторону. Потяжелел, утратил сноровку, а от его ловкости кошки остались одни воспоминания. Тем не менее, он собирался тряхнуть стариной, доказав самому себе, что не перевелся еще порох в пороховницах. А если и перевелся – то не весь.

Медленно карабкаясь над обрывом, Юрий молил Бога, чтобы погода оставалась безветренной, поскольку мало-мальски хороший порыв ветра мог слуть его, будто увядший лист с ветки. К счастью, пока над ущельем царил штиль, который, правда, в виду наступающего с севера грозового фронта, следовало назвать скорее затишьем перед бурей.

Преодолев самую опасную часть карниза, Юрий не удержался, и глянул вниз, чего делать было нельзя. Говорят, будто мастера восточных единоборств специально подолгу стоят над пропастью, тренируя выдержку, то есть способность мозга контролировать любые, самые сильные эмоции. Юрий не был мастером, приступ головокружительной тошноты дернул его так сильно, будто к телу привязали гирию. Он нелепо замахал руками, *мама дорогая*, мелькнуло в мозгу. Левая ладонь задела пистолет, и он, кувыркаясь, полетел к земле. Чудом восстановив равновесие, Юрий распластался у стены. Теперь его колотила дрожь, подсознание пичкало голову картинками, на которых он то летел в бездну с вытаращенными глазами и перекошенным ртом, то валялся на камнях бесформенной, окровавленной массой, в которой сложно опознать человека. Прошло, должно быть, не меньше четверти часа, прежде чем он сумел восстановить

²² Гора Чегет-Тау-Чана расположена на Северном Кавказе. Со склонов открывается прекрасный вид на Эльбрус, Донгуз-Орун и другие величественные вершины

силы и успокоиться. На счастье Планшетова курильщики тоже никуда не спешили, а к обязанностям часовых относились халатно. Спустя еще десять минут Юрик, уже вполне оправившись, практически вплотную подкрался к входу в пещеру и наострил уши, пытаясь на слух определить, сколько человек внутри. Курильщики, в отличие от превратившегося в слух Планшетова, чесали языками, позабыв об осторожности, так что сделать это оказалось довольно просто.

– Прямо с телки меня снял, зараза, – возмущался один из местных бандитов, судя по надтреснутому голосу, заядлый курильщик с таким стажем, при котором уже можно не бросать. Он был зол, как оса, которую прогнали с варенья, неудивительно, человека прервали на самом интересном месте. – Такая баба оказалась чумовая. Бизнесвумен из столицы. Приехала от мужа отдохнуть, – продолжал разоряться обладатель надтреснутого голоса. – Ну и поработать ртом, ясное дело. И вот, прикинь, только я ее наладил, зараза, только сунул под хвост, как звонит Ленка на трубу: Давай, Мотыль, выдвигайся! Аврал, зараза, и все такое! Пацаны киевских прошляпили. Упустили, мля! Без старой гвардии, короче, край...

Планшетов мог разве что посочувствовать невидимому бандиту, который, к тому же, сам сейчас представился, но не стал этого делать.

– Облом, – констатировал второй курильщик, правда, в его голосе не чувствовалось особого сострадания.

– Не то слово, зараза! И за каким бум, спрашивается, было жопу рвать и теперь корячиться тут, среди вас, дебилов?! Какой такой аврал, мля?!

– Ну, – дипломатично протянул второй, – надо ж было тех гавриков за яйца взять...

– И что, взяли?! – с издевкой поинтересовался Мотыль и харкнул так, что Планшетов чуть не сорвался со скалы. – Ни буя не можете. Ни телке палку кинуть, ни замочить грамотно, зараза. Как не крути, Беля, – продолжал он ворчливо, – а Боник с Винтарем облажались. По полной, зараза, программе. А почему, знаешь? А потому, что Огнет, зараза, уже давно с балдой не дружит. А вы при нем – вообще ни буя не стоите.

Э... – кисло начал Беля, пропуская личный выпад мимо ушей. Беле не улыбалось прослыть фрондером.²³ Витряков вольнодумцев не жаловал, мягко говоря, и эта черта его характера не хранилась под грифом «секретно». Последнего на памяти Бели критикана, корреспонденту из газетенки «Рабочая Алушта», Витряков пустил на корм рыбам после того, как Филимонов обрил несчастного при помощи паяльной лампы.

– Это стоило шнягу с длинномерами разводиться?! – продолжал возмущаться Мотыль. – Трассу перекрыли, в засаду пацанов поставили. Цирк, мля! Тыр пыр, восемь дыр, и вся жара, а толку, зараза?! Чтобы нам теперь в этой сраной дыре пыль глотать?! На сквозняках, зараза!

– А как их по-другому остановить было, Мотыль?

Да из «Шмеля» бахнуть, или хотя бы, «Мухи»,²⁴ и все! – сказал Мотыль и витиевато выругался, упомянув среди прочего и достойного папу Витрякова, которые, по его мысли, сделал Леонида Львовича при помощи указательного пальца левой руки. – А то замутили бодягу – из космоса видно. Пять тачек размолотили ни за буй. Теперь по катакомбам занюханым за штрихами гоняйся, как твой фокстерьер, мля! – Мотыль, поперхнувшись, зашелся мучительно сухим кашлем, знакомым большинству курильщиков не понаслышке. Со стороны могло показаться, что ему в трахею заползла змея, и альтернатив у него, соответственно, две. Либо скончаться от удушья, либо выхаркать проклятую рептилию вместе с бронхами, легкими и желуд-

²³ то есть – оппозиционер. Слово происходит от названия оппозиционного движения во Франции эпохи кардинала Дж. Мазарини (1648-53), который фактически узурпировал власть, став любовником вдовствующей королевы Анны Австрийской, матери малолетнего Людовика XIV. Фронда в пер. с фр. буквально – праша

²⁴ «Шмель» – реактивный огнет нового поколения. Разработан в 1984 и принят на вооружение в конце 1980-х. Выпускается в нескольких модификациях, одна кошмарнее другой. «Муха» – реактивный противотанковый гранатомет РПГ-18, принят на вооружение в 1972

ком. Планшетов подумал, что при любом раскладе Мотыль почти наверняка облюется, а то и наложит в штаны, но на этот раз тому повезло.

– А, бля! – стонал Мотыль через минуту, вытирая густую, словно патока, слюну. – Уф, зараза! Чуть не обделался.

Беля неуверенно заржал. Видимо, смех рассердил Мотыля, и он бросил с вызовом:

– А все из-за того, что вы все, мудаки затраханые, зараза, только барыг трусить умеете. И кокс нюхать. А Огнемет, зараза, вообще с катушек слетел.

Ржание обрезало, будто серпом.

– Да ладно тебе, Мотыль, – примирительно начал Беля. – Не психуй. Возьмем штрихов. Боник еще и капуста отсыплет. Спустимся к морю, выберешь себе самую жирную шалаву на набережной, и при, пока гондон не воспламенится.

Мотыль снова сплюнул, сгусток слюней пролетел мимо головы Планшетова, большой, как летающая тарелка с серо-зелеными гуманоидами.

– Вот я и говорю, мудаки вы все, – хрипло сообщил Мотыль. – Ни буя ни в чем не рубите. Да на х... мне, спрашивается, шалашовки с набережной, если у них между ног ведро со свистом пролетает?! Я дамочек деру, догнал ты, или нет, зараза, которые на курорт специально прутся, чтобы за чужой буй подержаться. А еще лучше – за два буя. – Мотыль заржал, смех был под стать голосу, каркающий.

– Ладно, – Беля снова не поднял перчатку, – может, ты и прав. Как киевских кончим, поехали, продумем твою бизнесменшу в два ствола.

– Ага, продумем, – согласился Мотыль, – ей точно понравится. Только не с тобой, мудаком. Что до киевских, Беля, то держи карман шире! Возьмешь ты их, как же! А перед тем они тебе яйца открутят и в плевалку засунут. Волкодав, мля. Видал, как они джипы сожгли? Четко, зараза. Как на параде.

– Повезло просто.

– Это нам с тобой повезло, что в тех джипах не сидели, зараза.

– Возьмем, – с поубавившейся уверенностью повторил Беля. – Помяни мое слово. Пацаны все ущелье перекрыли, галерею за галереей шерстят. А единственная лазейка на ту сторону – вон она, бля, у тебя перед носом. Никуда они от нас не денутся.

Планшетов безмолвной тенью приник к уступу и ловил каждое слово с жадностью скитальца, обнаружившего арык среди барханов.

– Дай сигарету, – попросил Беля.

Ага, и мне тоже, – сказал про себя Планшетов.

– Дай уехал в Китай, – буркнул Мотыль.

– Ленин завещал делиться, Мотыль...

– А Сталин – свои иметь. Где твои? Опять дома забыл?

– В машине оставил.

– Язык свой длинный, зараза, не оставил? – ворчливо поинтересовался Мотыль, но, видимо, все же протянул напарнику пачку, потому что уже через минуту возмутился, что Беля вытащил оттуда сразу несколько сигарет.

– Э, э, зараза?! Мы так не договаривались!

– Да ладно тебе, Мотыль.

– Шпана, зараза, – буркнул Мотыль, но этим дело и ограничилось. Клацнула зажигалка, дыма стало в два раза больше. Некоторое время часовые курили молча, неудивительно, ведь курение часто обращает мысли внутрь. Правда, не всегда, конечно, и не у всех.

– Как пацаны их на нас выгонят, тут им и кранты, – добавил Беля после очередной глубокой затяжки. – Перешпокаем, как мишени в тире. Аккурат, как на охоте будет.

– Кранты будут нам, – сказал Мотыль с пессимизмом, выдающим побывавшего во многих переделках бродягу. – Они, коню ясно, профессионалы, зараза.

– Я уже дрожу, – отмахнулся Беля. – Профессионалы зачуханные. – Это была наигранная бравада, не обманувшая никого. Планшетова – среди прочих.

– И тот буй, за которым они сюда причесали, тоже, между прочим, хорош. Хоть и сопляк сопляком с виду, зараза.

– Ты того штриха имеешь в виду, которого ночью в усадьбу Бонифацкого притарабанили? Планшетов отметил про себя слово усадьба, подумав, что хорошо бы заполучить адресок. Мотыль ничего не ответил, Планшетов решил: кивнул.

– Так ему все равно дрова. Пацаны говорят, на ублюдке живого места нет.

– Может и так, – флегматично согласился Мотыль. – Только до того, как копыта отбросить, он пятерых наших уже уколошил, зараза. Ногая с крыши столкнул, раз...

Беля фыркнул, как жеребец:

Ох! Нашел ты, Мотыль, Хонгильдона!²⁵ Ногай... Тоже мне, панасоник узкоглазый.

– Да ты... – начал Мотыль вибрирующим от негодования голосом.

– Ну, что я?..

– Головка от буя! – выплюнул Мотыль, судя по голосу, еле сдерживаясь, чтобы не залепить собеседнику в рожу. – Да мы с Ногаем, чтобы ты знал, дела варили, зараза, когда ты еще мутной каплей висел, на конце своего папаша. Фильтруй базар, баклан, если не хочешь... – Мотыль, очевидно, собирался продолжить монолог, но голосовые связки изменили ему, из груди вырвался хрип, и он согнулся напополам, подавившись надсадным ухающим кашлем.

– Бросал бы ты курить, Мотыль, – сказал Беля, и как ни в чем не бывало, продолжил:

– И Рыжий был фуфлом. Вертухай вшивый. В толк не возьму, зачем его Леня вообще держал?

Чиркнула спичка, из пещеры пахнуло табаком. Видимо, Беля снова закурил, и это было неудивительно, – советовать кому-то завязать с той или иной вредной привычкой и отказаться от нее самому – совсем не одно и то же. Планшетов втянул дым ноздрями трепеща, словно ездовая собака, учуявшая запах кочевья, означающий привал, кормежку и отдых. Он бы дорого дал за пару затяжек, но, мало ли кому из нас чего хочется? Конечно, можно было заглянуть в пещеру со словами «чуваки, курице есть?», Юрик даже представил себе вытянувшиеся, как в комнате смеха физиономии Бели и Мотыля, хоть никогда не видел их в лицо, и криво улыбнулся этой воображаемой картине.

«Прикальвайся, но знай меру».

Беля швырнул окурочек в проем, Юрик не стал провожать его взглядом из опасения, что снова закружится голова.

– Пойду, звякну Леониду Львовичу, – сообщил Беля Мотылю, который не прекращал кашлять. – А ты тут присматривай.

– Иди на буй, командир сраный! – огрызнулся Мотыль через кашель. Планшетов решил, что час пробил, пора переходить в наступление, в то время как, торча на продуваемом всеми ветрами балконе, недолго заработать простатит. Или нефрит. Или еще дрянь какую-нибудь. Надвигающийся с севера грозовой фронт уже накрыл степь, обстреливая ее потоками воды, которые хорошо различимы издали.

Убедившись, что в пещере всего двое бандитов, Планшетов решил, что имеет неплохие шансы, принимая во внимание фактор внезапности. Сделав глубокий вздох, Юрик ввалился в пещеру.

Первым ему бросился в глаза Мотыль, который продолжал кашлять, раскачиваясь, как магометанин в мечети, на самом краю пропасти, в полуметре от Планшетова. Лица Мотыля Юрик не разглядел, бандит смотрел в пол, прижимая руки ко рту. На темени Мотыля красо-

²⁵ Главный герой одноименного худ. фильма «Hongildon» корейского режиссера Ким Гильд Инна (1986) был мастером рукопашного боя

валась проплешина в окружении жидких темно-русых волос, в них была перхоть. Беля стоял в пол-оборота к свету, лицом к угольно-черному коридору. Очевидно, тому самому, который, если верить его болтовне, вел на противоположную сторону скалистого кряжа. За Белей сконцентрировалась такая тьма, словно изображение бандита приклеили к нарисованному тушью квадрату, будто аппликацию. Это было все, что успел заметить Планшетов перед тем, как началось.

В то время как правая рука Юрика цеплялась за выступ скалы до белизны пальцев, левая сама прыгнула вперед, будто жила какой-то своей, отдельной от остального организма жизнью. Схватила Мотыля за куцую жидкую шевелюру и что есть силы рванула к обрыву. Не переставая кашлять, Мотыль сделал два шага и сорвался с карниза. Их тела разминулись в широком проеме, увенчанном почти идеальной аркой, на радость любому новому русскому, который, только вчера попросившись с родной выгребной ямой, сегодня не представляет жизнь без евроремонта. Планшетов очутился внутри пещеры, Мотыль ее покинул и, нелепо болтая руками, скрылся из виду. Планшетову почудилось слово «зараза», брошенное Мотылем уже в воздухе, и еще что-то, про профессионалов, но на Библии он бы присягать не стал.

Ободренный столь блестящим началом блицкрига, Юрик одним прыжком настиг Беля и поразил коленом в бедро. Беля упал, как срубленный баобаб, выронив на пол рацию. Она ударилась о каменный пол, подпрыгнула мячиком, и распалась, рассыпав пластмассовые китайские внутренности.

Гребаные панасоники, все на соплях делают! – с ненавистью выкрикнул Юрик, шагнул к Беле, который катался по полу, корчась и завывая, как ревун речной колоши, до сих пор плавающей через Долбичку,²⁶ и, не долго думая, вырубил его ударом в висок. Беля немедленно затих. Юрик склонился над ним, подозревая, что сам себя лишил «языка». Из пещеры расходилось целых три коридора, а спросить, какой из них ведет на противоположную сторону кряжа, стало не у кого.

– Черт, – пробормотал Юрик. – Повесили бы, что ли, знак...

В следующую секунду он уже летел по воздуху, выкатив от боли глаза. Что-то ударило в спину, тяжелое, как противотанковая болванка. Набив шишку при приземлении, Планшетов еще и покатился кубарем, пока не замер, остановленный пыльным валуном величиной с телевизор. Валун был застелен газетой, на газете лежала какая-то еда, Юрику показалось – приготовленная в гриле курица в окружении пластиковых стаканов, от которых тянуло спиртом. Очевидно, бандиты готовились перехватить по-походному. Это была последняя внятная мысль, пришедшая в голову Планшетову. Его снова кто-то ударил, на этот раз – аккуратно между лопаток. Во рту появился привкус крови, это был фиговый признак. Собрав последние силы, Юрик кувыркнулся головой вперед, совершенно не понимая, кто на него напал. Ведь в пещере находилось только двое бандитов, в этом у него не было сомнений, и обоих он прикончил буквально только что.

Чудом очутившись на ногах после кувырка, Юрик успел оглянуться и засесть тень, метнувшуюся к нему из мрака. Она казалась порождением темноты, в голове мелькнула мысль о каком-то сверхъестественном, потустороннем создании, явившемся, чтобы воздать ему по заслугам, хоть, как правило, люди убеждены в том, что никакой такой расплаты в природе не существует. Еще бы, ведь ее придумали те, у кого нет денег, чтобы оплатить услуги киллеров или лоеров, невелика, в сущности, разница. В общем, Юрик подумал о Боге и Сатане, и мужество едва не покинуло его.

– Что за х-ня?! – закричал Планшетов так слабо, что не расслышал собственного голоса.

²⁶ Залив рукава Чертороя, протекающего параллельно Днепру. По одной из версий в древности Долбичка была озером, у которого весной 1103 года Владимир Мономах и другие князья держали военный совет касаясь похода на половцев

– Кия! – завопила тень, выстрелив чем-то, на поверку оказавшимся ступней, развернутой внешней кромкой. Удар пришелся в солнечное сплетение, Планшетов снова повалился на пол, при этом, как ни странно, его ощутимо отпустило, перед ним был не дух, а человек, шестьдесят – семьдесят килограммов костей, мяса, крови и еще каких-то биологических жидкостей. Ободренный этим открытием, Юрик на время даже перестал чувствовать боль, свирепствовавшую в верхнем отделе позвоночника и солнечном сплетении. Он покатился по полу, теперь кувыркнувшись через плечо, и этим избежал следующего удара, который наверняка стал бы фатальным, четвертого не потребовалось бы.

– Кия! – прогремело под сводами пещеры, и чугунная пятка пошла вниз, словно наконец отбойного молотка, поразила пол в том месте, где только что лежал Планшетов с такой силой, что выбила облачко каменной пыли. Превозмогая пламя, бушующее в верхней части живота, Юрик рывком оторвал ноги и поясницу пола, переместив вес на лопатки, словно делая упражнение «березка». А затем выбросил обе стопы вперед, метя любителю восточных единоборств в пах. Он не надеялся на филигранную точность, так и вышло, Юрик промахнулся, подошвы кроссовок угодили немногословному противнику в голень, а это очень болезненное место, если хорошенько по нему попасть.

«Падай, сука!» – возопил в душе Планшетов, но, ничего подобного не случилось. Не издав ни звука, безымянный каратист пошел в наступление, намереваясь прикончить Юрика, пока тот лежит на полу.

«*Натуральный, блядь, самурай!*» — с оттенком уважения констатировал Юрик, встретив эту очередную, яростную атаку на обеих лопатках и отчаянно лягаясь. Как заяц, на которого напал филин, или чемпион мира по карате, именно таким образом победивший самого Кассиуса Клея в бою, который не показывало советское телевидение. Но, о котором много судачили в околбоксерских кругах.²⁷ Напоровшись на ожесточенный отпор, причем, Юрику как минимум несколько раз посчастливилось достать вражескую мошонку пяткой, каратист, тяжело отдуваясь, будто пловец, только что вынырнувший с большой глубины, закружил вокруг Планшетова, как акула, подбирающаяся к раненному кашалоту. Юрик с удовлетворением отметил, что враг потерял прыть. И ошибся. В третий раз огласив своды пещеры воинственным воплем островитян с Окинавы,²⁸ каратист прыгнул на Юрика, работая ногами с такой частотой, словно был великолепно отлаженным механизмом. В момент оборонительные позиции Юрика были смяты, он пропустил пять или шесть ударов, один сокрушительней другого, в затуманенном мозгу мелькнуло: вот он, конец.

Кия! – снова завопил каратист, теперь в его голосе чувствовалось торжество победителя. Его глаза, горевшие холодным огнем, сверкнули, будто два фонарика. Корчась на полу словно насаженный на крючок червяк и понимая весьма отдаленным уголком подсознания, что истекают последние минуты, а скорее даже секунды, за которыми последует темнота навсегда, Юрик предпринял последнюю иступленную попытку спастись. Подцепив голень опорной ноги каратиста левой ступней, как клюкой, Планшетов толкнул его ниже колена правой. Каратист растянулся на полу, пробыл там мгновение и вскочил на ноги быстрее, чем это делает Ванька-встанька. Удивляясь, что сумел это сделать, Планшетов тоже поднялся, шатаясь, будто законченный алкаш. Он уже не был опасным соперником молчаливому каратисту, скорее великолепной мишенью, живой макиварой²⁹ для шлифования мастерства. По-крайней мере, каратист

²⁷ Очевидно, Юрик вспомнил показательный бой между легендарным боксером Мохаммедом Али (наст. имя Кассиус Клей) и известным японским каратистом А.Иноки в 1976. На первой же секунде боя Иноки упал на спину и провел на ней все двенадцать раундов. В результате Али не смог ни разу попасть по японцу, ведь боксеры не дерутся ногами, зато каратист своими непрерывными ударами травмировал великому боксеру колени. Судьи объявили ничью, они же были японцами...

²⁸ Согласно легенде, именно на этом японском острове зародилось боевое искусство, послужившее фундаментом для создания школы карате

²⁹ Снаряд для отработки ударов в карате, вроде боксерской груши, только гораздо тверже

думал именно так. Поэтому даже не стал мешать Планшетову подняться, хоть, безусловно мог сделать это. Юрик придерживался противоположного мнения. Он еще не потерял надежды.

– Кия! – выкрикнул каратист, разразившись целой серией из непрерывной череды передних и задних боковых ударов ногами, в верхнюю часть туловища и голову. В карате ее зовут «мельницей». Юрик попятился, чувствуя себя человеком, угодившим в самое сердце торнадо. Удары были не смертельны, но чувствительны, мягко говоря. Левый глаз Планшетова заплыл, губы стали похожи на две булки-сайки, продававшиеся «хлебными» в середине семидесятых, только цвета раздавленной шелковицы, правое плечо онемело, из рассеченного виска сочилась кровь.

Так они очутились на самом краю, у невысокой каменной ступеньки, за ней начинался тот самый узкий балкон, при помощи которого Планшетов проник в пещеру. Юрик стиснул зубы, к тому времени пересчитанные безмолвным каратистом до последнего корешка, отступать стало некуда. Был момент, Планшетов подумал рвануть в один из темных коридоров, но, чтобы это ему дало? Рассчитывать спастись бегством он не мог, а продемонстрировать спину, не имея превосходства в скорости... К тому же, разгадав намерение Юрика каким-то своим, звериным чутьем, каратист намеренно теснил его к пропасти. Наверное, планировал поставить точку одним эффектным ударом, отправляющим Юрика в еще более эффектный полет.

На секунду они оба застыли, Планшетов вытер тыльной стороной окровавленной ладони нос, из которого тонкими струйками стекала кровь, каратист легко, как в спортзале, сменил левостороннюю стойку на правостороннюю. Его движения были изящны, как танец, даже Юрик отметил это. Собственно, он был единственным зрителем и одновременно участником действия.

В пещеру ворвался ветер, развевая волосы и обрывки одежды. Грозовой фронт надвинулся на горную гряду, стало так темно, словно наступил вечер. Где-то наверху прогремел гром, полые внутренности скалистого кряжа ответили ему глухим, напоминающим рык гулом. В воздухе запахло озоном и дождем, который грозил обернуться тропическим ливнем. Затем полыхнуло совсем неподалеку, видимо, молния поразила скалу наверху. Планшетов качнулся вперед, первым начав сокращать дистанцию. Он упредил каратиста на долю секунды, тот как раз перенес весь вес на левую ногу, вероятно, чтобы выстрелить правой. Они столкнулись корпусами, Юрик боднул каратиста головой, вложив в удар все чувства, которые только сумел пробудить в нем немногословный и неумолимый противник. Его чувства были сильными. Лоб врезался в переносицу и она лопнула, как холодный стакан от кипятка. Каратист замотал головой, как бык, которого заели слепни. Одновременно Планшетов толкнул каратиста в грудь. Тот машинально подался вперед. Это было как раз то, на что Юрик не смел надеяться. Планшетов ухватил его за грудки и повалился навзничь, выставив перед собой ногу. Сообразив, что его ожидает, немногословный каратист попытался вырваться, но было слишком поздно, тем более что и Харлампиев,³⁰ создавая самбо, перенимал на востоке самый лучший опыт. Планшетов оторвал каратиста от земли и играючи перебросил через себя. Оглашая ущелье душераздирающими воплями, среди которых больше не звучал боевой клич «кия», каратист полетел в пропасть. Туда, где на дне его поджидало обезображенное тело Мотыля.

«Наконец-то развязал язык», – подумал Юрик удовлетворенно. Он остался лежать в изнеможении, судорожно, со всхлипами глотая воздух. О том, какие эмоции вызовут рухнувшие на дно ущелья Мотыль и безымянный каратист у своих товарищей, которые наверняка ошивались внизу, он вообще не думал, было не до того. Юрик лежал и радовался тому, что остался жив. В отличие от них.

³⁰ Харлампиев Анатолий Аркадьевич (1906–1979) – прославленный боксер, борец, фехтовальщик и акробат, исследователь национальных видов борьбы народов СССР, создатель борьбы самбо. По мотивам этих путешествий А.Харлампиева в начале 1980 снят фильм «Непобедимый»

* * *

Он еще не восстановил и половины сил, когда откуда-то гулко заухали выстрелы. Планшетов подхватился, как ужаленный, в первую секунду подумав, что стрелки целят в него. Но это было не так. Пальба слышалась с той стороны, где он оставил друзей.

– Черт! – выдохнул Юрик. Оружия при нем не было. Парабеллум, который он выронил еще на карнизе, теперь валялся где-то внизу, вместе с двумя его противниками, один из которых, вероятно, был при оружии. Второй, скорее всего, обходился голыми руками, чувствуя себя при этом вполне уверенно. К счастью, в распоряжении Юрика оставался труп Бели. Его следовало немедленно обыскать. Что Планшетов и предпринял. Обыск ничего не дал. Карманы оказались пусты, если не считать пары ребристых презервативов, початой упаковки жевательной резинки «Stimorol» и нескольких жеваных купонов, которые, как известно, как огня боялись воды. Беля же их постирал, и они превратились в бесформенные сгустки бумаги. Покопавшись еще немного, Юрик извлек из внутреннего кармана куртки покойного практически полную пачку «Marlboro», из чего следовало, что ушедший был крысой, как наверняка сказал бы Мотыль. Правда, Мотыль тоже ушел и теперь, по мысли Юрика, оба пребывали там, где, если верить наркоманскому анекдоту, полно травы, но нет спичек.

Понюхав пачку «Marlboro» с такой миной, от которой любой народный целитель, зарабатывающий на отваживании курильщиков от табака, наверняка опустил бы руки, Юрик спрятал трофей в карман. Оттолкнул труп и принялся шарить по пещере, в поисках зажигалки и оружия. Вскоре ему повезло. В самом темном углу он натолкнулся на автомат импортного производства, с куцым стволом, коротким металлическим прикладом и обоймой, торчащей не вниз, а влево. Юрик подумал, что оружие здорово смахивает на дрель, которая когда-то была у Планшетова-Старшего, пока он ее не пропил, вместе с остальными инструментами. Повозившись с минуту, Планшетов отстегнул магазин и с удовлетворением отметил, что он в два ряда нашпигован толстенькими и куцыми, похожими на молодые боровики патронами.

– Хм, – выдохнул Планшетов, – какие интересные сверла. Надеюсь, они далеко летают. – Юрик взвесил оружие в руках. Автомат был тяжеловат, и, как показалось Юрику, не очень удобен. К тому же, с подобной конструкцией он столкнулся впервые. – Ничего-ничего, – ободрил себя Планшетов, – главное, я в курсе, откуда тут вылетают пули, и что для этого нажимать. Остальное приложится.

Повесив оружие на шею, Планшетов покинул пещеру и перебрался на карниз. От былой жары не осталось и следа. Тучи надвинулись и придавили горы. Горы, набычившись, вспомнили им брюха скалистыми вершинами. Из рваных дыр хлестали струи дождя, тугие, как бичи погонщиков. Риск сорваться в пропасть, соответственно, вырос, возможность быть обнаруженным сократилась, ввиду резкого падения видимости. Решив, что это уравнивает шансы, Юрик двинулся по карнизу в обратном направлении, хоть возвращаться, как правило, сложнее, чем уходить. Ливень молотил его по спине и затылку, словно турецкие батоги – привязанного к столбу запорожца. Молнии били одна за другой, словно вся небесная артиллерия приняла участие в канонаде. Отвесные стены оказались отличными природными ретрансляторами и многократно отраженное эхо пошло гулять по ущелью, как клокочущая среди рифов волна. Скоро Юрик оглох на оба уха и уже не мог отличить рокочущие грозовые раскаты от сухого, похожего на кашель треска выстрелов. Когда Юрик только выбирался на карниз, то был уверен, кто-то из друзей, вероятно, Протасов, отстреливается из пистолета Глок. Теперь стрельбы, гром и эхо смешались в одну безумную какофонию, Планшетов слушал ее, словно из-под воды.

* * *

Когда Юрик преодолел две трети пути, и до пещеры оставалось – рукой подать, грозой фронт, потеряв остатки летучести, рухнул на землю. Так, по-крайней мере, показалось самому Планшетову, когда он падал ничком, сбитый с ног взрывной волной. На секунду воздух сделался плотным и горячим, как кисель. У Планшетова окончательно заложило уши. Ему почудилось, весь козырек пришел в движение, заходил ходуном. Кряж не задрожал, застонал, как старый дом, который ломают гирей. Сверху посыпались обломки, большинство не крупнее орехов, некоторые, судя по звуку, величиной с пушечное ядро. Юрик вжал голову в плечи, прикрывая затылок ладонями, и немедленно получил по спине камнем, не слишком большим, но достаточно увесистым. Кусая губы от боли, Юрик извивался на карнизе будто камбала, которую пригвоздили ко дну гарпуном, ожидая, когда очередной булыжник проломит ему череп будто яичную скорлупу, и положит конец мучениям.

Ему снова повезло, он остался жив. Камни угомонились, кряж больше не вибрировал. Снова сверкнула молния. Юрик поднял голову и заметил дым, струящийся из той пещеры, в которую он так стремился попасть. Ливень продолжал неистовствовать, как ни в чем не бывало, капли таранили частицы дыма, и увлекали вниз. Только тогда до Юрика дошло, что небо по-прежнему на месте, это местные, земные разборки. Что-то взорвалось, возможно, ручная граната.

– Откуда? – пробормотал Юрик. Ему чудовищно хотелось промочить горло, но подставлять рот небесам было некогда. И потом, он рисковал проглотить камень.

– От верблюда, зема, – ответил изнутри головы Волына. Был поздний вечер субботы, они только собирались в дорогу и стояли во дворе дома Эдика, на Троещине. Солнце давно село, площадку освещал одинокий уличный фонарь, уцелевший вследствие того, что окрестная детвора отдала предпочтение клею «Момент», а он, в чрезмерных дозах вызывает косоглазие. Протасов вынес из парадного несколько сумок и отправился обратно, за следующей порцией, посоветовав Планшету с Вовчиком пошевелиться. Приятели складывали поклажу во вместительный багажник «Линкольна». На глаза Юрику попала грубая холщовая торба, оказавшаяся, к тому же невероятно тяжелой, и он мрачно осведомился у Волыны, что это, бдь, за дерьмо.

– Полегче, земля, – вытянув обе руки, Волына забрал мешок у Юрика, а затем бережно положил в салон, к себе в ноги.

– Что за хулев металлолом? – не сдержался Планшетов.

– Не кипишуй, Юрик, – посоветовал Вовчик. Много будешь знать, скоро состаришься, земля. – Лицо его при этом приняло откровенно заговорщичкое выражение.

«Итак, это граната, – догадался Юрик. – Граната из мешка, который эти кретины, Протасов с Вольной, прихватили с собой». Далее Юрик прикинул объем мешка и решил, что гранат там было – как минимум десятка два. *«Следовательно, – продолжал размышлять Планшетов, – это только начало. И если какому-то кретину, вроде Протасова, придет нездоровая мысль попробовать кряж на крепость еще разок, начнется такой камнепад, чувак, что тот, что был, покажется детской проделкой».*

Как бы в подтверждение этих опасений кто-то выкрикнул что-то воинственное, Юрику показалось, он узнал голос Протасова, а затем тяжело ухнула вторая граната. Правда, скорее всего, она разорвалась в глубине лабиринта, далеко от поверхности. Тем не менее, козырек застонал и покачнулся, как качели. Планшетов в липком поту едва не соскользнул в пропасть. Решив, что балкон вот-вот обвалится, он встал на четвереньки, поправил автомат, которым отдал себе ребра. Автомат не составил компанию Парабеллуму лишь потому, что висел на

ремешке. Сделав несколько глубоких вдохов, Юрик поскакал вперед с невероятной прытью, которая сделала бы честь самому ловкому горному козлу.

Ввалившись в пещеру, Планшетов задохнулся от дыма и пыли, которые клубились тут, как над каким-нибудь редутом Отечественной войны 12-го года, поскольку бездымный порох еще не был изобретен. Глаза щипало, окружающие предметы стали казаться изображениями в экране телевизора, которому давно пора на слом. Первым Планшетов заметил Волыну. Вовка безжизненно растянулся в углу, рубашка на груди была расстегнута, на груди лежал амулет, который о котором двадцать минут назад говорил Протасов. Валерий не стал его забирать. Глаза Вовчика были закрыты, рот, напротив, открыт, но он уже не дышал, грудная клетка застыла неподвижно. В метре от трупа на корточках сидел Армеец, зажав ладонями уши. Эдик жмурился, и вообще имел вид рыбы, контуженной взрывом динамита в пруду, и готовящейся всплыть на поверхность, кверху белесым брюхом. Рядом валялся пистолет Глок в компании с опустошенной обоймой. И стреляные гильзы, пожалуй, десятка два.

– Эдик! – заорал Планшетов, но вместо голоса уловил еле ощутимую вибрацию, которую произвела гортань. Уши вышли из строя, единственным звуком, который улавливал Планшетов, было шипение вроде того, что производят неисправные динамики аудиосистемы. Армеец при этом и бровью не повел.

– Эдик! – он предпринял вторую, бессмысленную попытку. – Эдик, ты что, оглох?!

Шагнув к приятелю, Юрик встряхнул его за плечо. Раскрыв глаза, Армеец уставился на него взглядом человека, столкнувшегося с приведением.

– Где Протасов?! – крикнул ему в лицо Юрик, но Эдик только смотрел не него, открывая и закрывая рот, как рыба из-за стекла аквариума.

Не слышу! – заорал Юрик, и обернулся, уловив краем глаза какое-то движение в самом дальнем углу пещеры, там, где начинался коридор, высеченный в толще породы. Там было полно дыма, из которого словно материализовался Протасов, в разорванной футболке, с холщовой сумкой на плече и двумя гранатами в руках. У Юрика перед глазами на мгновение встало полотно «Оборона Севастополя»,³¹ известное каждому школьнику советской поры из учебников истории. Правда, Протасову не хватало тельняшки, зато его лицо, чумазое словно у трубочиста, было полно той же решимости, которую удалось передать баталисту при помощи кисти и красок на холсте. А то и еще решительней.

– Не делай этого, чувак! – заорал во все легкие Планшетов, имея в виду гранаты, которыми размахивал здоровяк. – Оставь гребаные пещеры потомкам! Это ж наше культурное наследие! Не лишай удовольствия целые поколения туристов, и куска хлеба – поколения экскурсоводов, чувак! – Неожиданно ему стало весело, правда, веселье здорово отдавало истерикой.

Можно не сомневаться, из тирады Планшетова Протасов не разобрал ни слова, зато заметил Юрика и двинулся к нему, с перекошенным от гнева лицом. Юрик попятился, как, вероятно, поступил бы каждый, напорившийся в зарослях на взбесившегося слона. Валерий выкрикивал что-то на ходу, и, хоть Юрика никто не учил читать по губам, общий смысл был ясен и без этого. Они очутились у обрыва, Валерий, расставив гранаты по карманам, схватил Юрика за грудки и легко поднял в воздух.

– Ах, ты сучек, блин! Свалить хотел?! – это были первые слова, которые Юрику удалось расслышать. Слух неохотно возвращался к нему, словно опасаясь, что его все равно скоро выгонят. – Пингвин долбаный! Нас тут эти клоуны со всех сторон обложили, конкретно. Запрессовали, козлы! Я тебе сейчас покажу, свалить! Я тебя, козла, в момент скоростным лифтом на землю отправлю!

³¹ Картина известного художника-баталиста Александра Александровича Дейнеки «Оборона Севастополя» 1942, Государственный Русский музей, СПб

Болтая ногами над пропастью, Юрик, задыхаясь, закричал о пути к спасению, который ему посчастливилось открыть в соседней пещере ценой трех заблудших душ, собственноручно освобожденных от тел.

– К какому спасению, гнида?! – рычал Протасов, болтая Юриком в проеме, как ребенок погремушкой. – Какой ход, блин?! О чем ты болтаешь, гондурас?! Я тебе сейчас покажу верняковый ход к спасению! Пернуть, блин, не успеешь, бандерлог ты неумный, как будешь загорать на небесах! – Но хватка уже ослабла, Планшетов ощутил под подошвами пол пещеры.

– А это что у тебя за штука? – только теперь Протасов разглядел диковинного вида автомат со складным металлическим прикладом, который висел у Юрика на груди.

– Трофей, – коротко пояснил Планшетов. – Одолжил у одного туземца. Ему теперь без надобности.

– Дай посмотреть.

– Детям в руки не дается, чувак.

– Я те дам, детям! – одним ловким движением разоружив Юрика, Протасов забросил автомат на плечо.

– Э-э?!

– Отлезь, гнида! Ты, блин, мудила, и так последний ствол забрал. Где, блин, парабеллум?

– Там, – Планшетов показал за карниз.

– Идиот конкретный.

Планшетов решил смириться с потерей автомата. Тем более что по его соображениям, им уже давно следовало задать стрелача, а не препираться без толку в амбразуре окна, где они, кстати, были великолепными мишенями.

– Мотаем удочки, чувак.

Вдвоем они поставили на ноги Армейца. Эдик по-прежнему напоминал оглушенную рыбу.

– Эдик, ты как, чувак?

– Хлипкий, блин, – ответил за него Протасов. – Уши слабые. Еврей, короче. Укачало. Ладно, держи этого клоуна, а я Вовку возьму, пока эти бандерлоги, Планшет, штаны меняют. – Он махнул в направлении коридора, оттуда по-прежнему валил дым, правда, уже не такой густой.

– Много он крови потерял, чувак?

– Крови? – Протасов криво усмехнулся. – Нисколько.

– Его же в ногу ранило.

– В голову, – поправил Валерий. – При рождении. Копыто вывернул, и все дела. Ладно, держи этого недоумка, а я Вовку возьму.

– Как Вовка? – машинально спросил Юрик, хоть уже знал ответ.

– Никак, – ответил Протасов глухо. – Но я его все равно возьму, понял, да?!

Планшетов решил не спорить. Повесив на второе плечо сумку с гранатами, Валерий кряхтя поднял Волыну.

– Так, теперь куда?

– Туда, – Планшетов указал на балкон. – Тут метров десять, от силы. Попроберемся в пещеру, а оттуда, через тоннель...

Протасов с сомнением покосился на уступ.

– И ты, блин, Планшет, полезешь по этой гребаной жердочке для попугая?!

Планшетов кивнул:

– И ты полезешь, если жизнь дорога.

– Эквилибрист гребаный.

– Не нравится, оставайся, хозяин – барин. Дело твое.

В этот момент из коридора донеслись перекликающиеся голоса.

– Решили суки, что гранаты вышли, – сказал Протасов. Его руки были заняты Вовчиком. А точнее – его телом.

– Еще один взрыв, Валерка, и бульдозером не откопают, точно тебе говорю. Хорош трепаться – сваливаем. – Юрик обернулся к Эдику, – держись за меня, чувак.

– А Вовка? – выпалил Протасов. Нечего было и думать переправить его на ту сторону карниза. Это понимали все, даже Протасов.

– Оставь его здесь, чувак, – сказал Планшетов уже с карниза.

– Ах ты, гнида!

– Он мертв, ты что, не врубился?!

– А мне по бую!

– Брось его, чувак!

– Стой, блин! – орал Протасов через мгновение, сообразив, что приятели медленно удаляются по карнизу. – Стойте, козлы! Эдик?! Помоги!

Армеец обернулся.

– Наши своих не бросают! – крикнул ему Протасов.

– Е-ему уже все равно, – тихо, но внятно проговорил Эдик. – Он у-умер, Валера. Его больше нет.

* * *

Дождь, было сбавив обороты, обрушился на ущелье с новой силой. Скала под ногами стала скользкой, как лед. Они передвигались вдвоем, Планшетов первым, за ним Армеец. Протасова нигде видно не было, впрочем, им стало не до него, собственные жизни висели на волоске.

– Голова к-кружится, – прошептал Армеец, когда они преодолели половину пути.

– Наплюй на голову, чувак. Тут ерунда осталась.

– С де-детства высоты боюсь...

– Не смотри вниз, Эдик.

Временами Армеец словно проваливался куда-то, Планшетов чувствовал эти его провалы рукой. Он держал приятеля за шиворот, прекрасно понимая, что если тот сорвется, эта страховка будет в пользу бедных. И если он не разожмет пальцы, они упадут и разобьются вдвоем. Разжимать или нет – Планшетов для себя еще не решил.

До цели оставалось сделать буквально пару шагов, но какими трудными они оказались. Каждый длиной с марафонскую дистанцию. Несколько раз Армеец начинал раскачиваться, как пьяный, в жилах Юрика стыла кровь, он думал, что вот оно, начинается, чтобы закончиться через минуту или две, далеко внизу.

«Знал бы, что разобьюсь в лепешку о камни, хрен бы из Десны выгребал!» – ухало в голове Планшетова. По сравнению с перспективой полета в пропасть смерть в речной воде представлялась ему чуть ли не гуманной. Впрочем, если бы он действительно тонул, возможно, ему показалась бы гораздо привлекательнее скала, падая с которой, по-крайней мере, можно почувствовать себя орлом. И все же они с Эдиком финишировали, хоть Планшетов успел пару раз попрощаться с жизнью. Юрик первым очутился в относительной безопасности, а потом втащил в пещеру Армейца с таким видом, словно был муреной, прикусившей среди коралловых рифов морского конька. Эдик без сил повалился на пол, Планшетов последовал за ним.

Они пролежали минуты три, прежде чем смогли подумать о Протасове.

– Неужели он?.. – начал Юрик.

– Он у-упрямец, – перебил Армеец.

– Что будем делать, чувак?

Эдик молчал минут пять, потом медленно покачал головой, и произнес, отвернувшись к стене:

– Я что мы мо-можем ту-тут поделатъ?

– Ну...

– Ду-думаю, мы до-до-должны и-и-и...

Он не успел договорить. Скала дрогнула, гораздо сильнее, чем прежде. На мгновение Армейцу показалось, что каменные своды сейчас сложатся, как стены североамериканского каньона на последних минутах фильма «Золота Мак Кены»,³² на который бегал с уроков вместе с Протасовым.

– Землетрясение, чувак! – завопил Планшетов, вскинув руки, чтобы защитить голову.

– П-п-п!.. – начал Армеец, но его голос потонул в оглушительном грохоте. Оба затаили дыхание, словно дигтеры, неожиданно очутившиеся на пути электропоезда метро. В следующую секунду рокочущая взрывная волна накрыла их, ударив как невидимый грузовик. Если бы они стояли, то наверняка полетели бы по пещере, как сообщения в трубе пневматической почты. Пол и стены пещеры ходили ходуном, древние камни вибрировали, будто струны, вошедшие в резонанс, за которым неизбежно следует обрушение.

– Вот и все, чувак! – успел крикнуть Планшетов, прежде чем на них сверху повалился Протасов.

* * *

– Т-ты? – стонал Армеец, держась за ушибленный затылок.

– Мы думали, ты того... – добавил Планшетов.

– Я погиб, Планшет?! Да ты гонишь, блин, как Троцкий! – поднявшись на корточки, Протасов принялся хлопать себя по брюкам, вытрушивая пыль. На коленях зияли такие прорехи, что, вообще-то, о брюках можно было уже не беспокоиться.

– Ты подорвал все гранаты, чувак?! – с оттенком уважения спросил Планшетов. Вместо ответа Валерий сунул ему под нос три пальца, в некоем подобии государственного герба Украины.

– Три?!

– Точно, – сказал Протасов. – Гребаным хорькам хватило трех, ты понял, да? Залег себе, этажом выше, – продолжал он самодовольно, – дождался, пока десяток туземцев вылез на карниз, и...

– Я так и знал, – сказал Планшетов, – естественно, они тоже решили сократить путь по карнизу.

– А ты думал, – ухмыльнулся Протасов. – И сократили. С этого света на тот, бляха-муха. Бах, трявк, и карниза нет! Точно как в анекдоте: отставить, блин, ржание, боцман, иди, стирай Америку с карты.

Расписывая свои подвиги, Валерий, и без того не привыкший разговаривать вполголоса, орал на пределе связок. Во-первых, его ушам тоже досталось от взрывной волны. Во-вторых, он был очень возбужден.

– Это им, клоунам, за Вовчика, – добавил он, скрипнув зубами. – Ладно, вставайте и пошли. Слышал, Армеец, тут тебе не пляж.

Они уже шагали в глубь пещеры, когда над головами просвистело несколько пуль.

³² «Mackenna's Gold», наверняка запомнившийся старшему поколению американский вестерн 1969 года, в ролях Омар Шериф, Грегори Пек и др.

– Откуда стреляют, бляха-муха?! – вытаращив глаза, завопил Протасов. Эдик повалился ничком с грацией туристического рюкзака. Очередная пуля высекла искры в паре сантиметров от виска Планшетова. Юрик схватился за лицо:

– Глаза! Глаза, твою мать!

На секунду потеряв ориентацию, Юрик попятился, очутившись на самом краю карниза и отчаянно балансируя над бездной. Смертельная угроза заставила его забыть о пострадавших глазах, он сделал руками такой широкий мах через голову, словно был гимнастом, собирающимся встать на «мостик». При этом Планшетов выгнулся дугой, большая часть тела оказалась за пределами карниза, как фрагмент недостроенного виадука. Лицо Юрика выражало крайнюю степень изумления, если это действительно уместно в данном контексте. Не ужаса, а именно изумления: «Черт, неужели это случилось со мной?!»

В этот момент жизнь Юрика зависела только от того, сумел ли Протасов сохранить хотя бы толику той реакции, какая была у него, когда он выступал на ринге. К счастью для Планшетова, Протасов растратил еще не все. Он молниеносно прыгнул к Юрику и успел вцепиться в пряжку его ремня за мгновение до того, как все было бы кончено. Ремень затрещал, но выдержал. Планшетов повис на нем, бессмысленно загибая руками воздух, как пловец в бассейне, из которого внезапно испарилась вода. Отказаться от этих отчаянных махов ему было не легче, чем приказать себе не дышать. Он махал, махал, махал.

– Паленка? – Протасов, отдуваясь, с сомнением покосился на ремень, за который удерживал Юрика. Со стороны они напоминали гротескную карикатуру на фигуристов, катающих произвольную программу. На чемпионате мира для педиков.

– Паленка, – прохрипел Планшетов, продолжая отчаянно болтать руками. – Штаны фирменные, ремень – фуфло. Дерматин...

В подтверждение этих слов ремень затрещал, явно готовясь лопнуть.

– Эдик! – позвал Валерий, но ответа не последовало.

– Держись за меня, твою мать! – сказал Протасов. Вены на лбу стали такими толстыми, что по ним проплыл бы и фломастер. Но, вместо этого Планшетов продолжал отмахиваться от роя невидимых ос. Протасов напряг бицепс, секунду они балансировали над пропастью, а потом ввалились в пещеру, как два ханура у пивной. Как только это произошло, Протасов, приподнявшись на локте, позвал Эдика.

– Эдик, блин, ты живой?!

В этот момент невидимые стрелки, очевидно замороженные зрелищем «Танго над обрывом», наконец, сбросили оцепенение. Пули полетели в пещеру, как брызги от душа. Протасов рывком откатился за выступ скалы. Планшетов метнулся за ним.

– Снайперы, – сказал Планшетов, лежа навзничь и пристально изучая провалы пещер на противоположной стороне ущелья. – Из СВД лупят. Нам с тобой охренительно повезло, что они нам не вышибли мозги!

– У тебя их по-любому нет, – бросил Валерий, и помрачнел. – Что с Армейцем?

– Я т-тут, – сказал Эдик, подползая.

– Опять сознание потерял? – мрачно осведомился Протасов.

– С-сам не знаю, В-валера.

– Ну-ну. Ладно, убираемся отсюда. Планшет, где мешок с гранатами?

– Да брось ты их.

– Я лучше тебя, пингвина неумного, брошу.

Глава 3

ЭДИК, БЕГИ...

Брести довелось во мраке, столь плотном, что представить себя абсолютно слепым, было раз плюнуть. У них не было ни факела, ни фонарика, ни даже коробка со спичками, что ужасно огорчало Юрика, которому не терпелось закурить. Пару раз шагавший в авангарде Протасов падал, приятели принимались шарить в темноте, и нащупывали то невесть откуда взявшиеся ступени, то лунки в полу, совершенно правильной формы. Валерий ругался сквозь зубы и растирал ушибленные колени, награждая строителей «голимого подземного бильярда» самыми нелестными эпитетами. Впрочем, оставалось только гадать, что перед ними – плод человеческих усилий или пещеру проделала подземная река, протекавшая тут несколько тысячелетий назад. Приятели утроили осторожность. Протасов выставлял вперед ногу, и только потом переносил на нее вес тела. Эдик, для верности еще держался ругой за стену, за что Юрик обзывал его троллейбусом. Темп продвижения соответственно упал. Приятели не имели ни малейшего представления о длине пройденного пути, так как не додумались считать шаги. Да и был ли в этом смысл?

Время от времени подземный ход разветвлялся, они чувствовали это по сквозняку, который становился сильнее. Некоторые, попадавшиеся им ходы были не шире лаза, другие достигали размеров полноценной двери. Когда возникали сомнения, в каком направлении идти, Протасов слюнявил палец и подолгу держал в проеме, а потом делал выводы, объявляя приятелям, где главная штольня, а где, блин, голимое кидалово. Полной уверенности, естественно, не было, просто Валерий добровольно принял обязанности проводника. Остальные с этим смирились.

– Да и какая в натуре теперь разница, туда мы премяся, или не туда? – вздохнул Валерий, когда Юрик заявил, что они, вероятно, сбились с пути. – Попросил бы у своего дружка Мотыля карту, перед тем как столкнул бедолагу вниз... Вот это было бы дело.

Пока они брели в потемках, Планшетов успел расписать приятелям, каким образом узнал о подземной галерее, а также, как ловко расправился с охранявшими ход местными бандитами.

– Ну, ты, Протасов, скажешь... – негодуяще начал Юрик.

– Или ты, может, хочешь вернуться, уточнить дорогу у дружков покойного? – перебил Валерий.

Юрик энергично замотал головой. Эдик машинально отметил, что Валерий, отчитывая Планшетова, на этот раз обошелся без обыкновенных для себя «блинов», вообще без брани, даже не обозвал Юрика пингвином или хотя бы плугом. Это было странно. Валерий вообще выглядел каким-то рассеянным, пришибленным, что ли, подобное состояние было так на него непохоже, что у Эдика засосало под ложечкой. Он подумал, дурной знак. С полчаса они брели молча, затем тишину снова нарушил Юрик, очевидно, обуреваемый желанием взбодрить приятелей и, еще больше себя.

– Ничего-ничего, пацаны, как не крути, а у нас теперь приличная фора. Пока туземцы очухаются, пока возьмут след, пока додудлят, в какой их ходов мы ломанулись...

– Пурга, – перебил Протасов. – Ты ж сам говорил, выход наружу один. Значит, им только впереди кислород перекрыть, и тью-тью, пишите письма. Понял, о чем базар?

– Ты б не каркал, а чувак...

– Кто это каркает? – мрачно осведомился Протасов.

Давайте, пацаны, в боковой тоннель свернем, – предложил Планшетов. – Тем более, что тут их – до бениной мамочки. Отсидимся, пару деньков. Без собак – шиш они нас найдут. Служебных собак, допустим, у туземцев нет. Служебных, их дрессировать надо, а кто это будет

делать, если хозяева, прикиньте, сами невменяемые. А стафф,³³ пацаны, это такая собака узко-лобая, под стать хозяевам, что проще корову заставить – след взять. Или козу... А как только пена сойдет, туземцы немного утихомируются... – предложение не тянуло на Нобелевскую премию по части поисков выхода из тупика. Если такие и номинируются соответствующим комитетом.

– Без е-еды можно пе-перебиться о-около месяца, – неуверенно протянул Армеец.

– Ну вот, – воодушевился Юрик. – Нормальный ход. Сядем, в тенечке, переждем. Не будут же эти дебилы целый месяц все входы-выходы караулить, а? Задолбаются пыль глотать, верно? Если что, – пожужим тапки, вон, у Протасова – чисто кожаные мокасины. Пальчики оближешь. Или, жребий бросим, кого первого хавать. Предупреждаю сразу, у меня сифилис и глисты...

– Бе-без воды трое суток п-протянем. Или – че-четверо... Потом – все.

– Чего ж ты раньше не сказал, если такой грамотный, а, чувак? Я б карманы подставил, пока по карнизу полз. Под дождем. Или, хотя бы из лужи нахлебался... А то – уже во рту пересохло.

– Не-не у о-одного тебя...

– Минералочки бы сейчас, – вздохнул Планшетов, – газировки... – как только Юрик подумал о воде, жажда подступила вплотную, эквилибристика на карнизе теперь не казалась такой ужасной, ведь там было полно воды. Не говоря уж о Десне, где он, правда, чуть не утонул, зато потом высох на даче, хозяйка которой, с бешенством матки, не слезала с него всю ночь. Умереть, занимаясь сексом, было предпочтительнее всего, но, кто знал, что будет дальше. – Лимонаду бы, чуваки, из холодильника...

– К-кваса бы, из бочки, – внес лепту Армеец.

– Пивка бы...

– Хватит балаболить, – буркнул Протасов. – Разбыкались. Если бы у бабки был иенг, она была бы дедом, ясно? Тут из-за любого угла кто хочешь, выскочить может, любая сволочь, и когда угодно, а вы раскудахтались, как бабы, в натуре.

* * *

Вскоре тоннель начал сужаться, пока не превратился в кишку, вынудив приятелей выстроиться гуськом. Протасов шагал, пригнув голову и шурша плечами, которые задевали обе стены, словно шомпол,двигающийся по стволу. Армеец ждал, что Валерий вот-вот развопится, но тот угрюмо молчал.

– Интересно, а змеи тут есть, пацаны? – спросил Планшетов, замыкавший их маленький отряд. Протасов замер с поднятой ногой как кремлевский курсант у Мавзолея. В былые, советские времена.

– С чего это ты о змеях вспомнил?!

– Да так, просто. Показалось.

– Что тебе, бляха-муха, показалось?!

– Шипение какое-то...

– Какое шипение?

– Не знаю, чувак.

– Это у тебя в голове шипит.

– Сам послушай.

Протасов навострил уши. Впереди действительно что-то было. Только не шипение, скорее – журчание воды. Так, по-крайней мере, показалось Протасову.

³³ Имеется в виду порода бойцовских собак, которых, в последнее время расплодилось еще больше, чем двуногих дебилов

– Или там кто-то мочится, здоровый, блин, как я, а то и больше, или где-то впереди ручей, – прошептал он. При упоминании о воде судорожно сглотнули все трое, жажда, мучившая их на протяжении вот уже нескольких часов, стала совершенно невыносимой.

– А может, все же, змея? – не унимался Планшетов. – Типа гремучей, к примеру. Ну, та, у которой погрешка на хвосте?

Какого хрена, в натуре, ты приплел сюда обдолбанных змей? – возмутился Протасов. Хоть лично он полагал, что где-то неподалеку шипит река, место мателота³⁴ ему решительно разонравилось.

– Я не приплетал, – сказал Планшетов. – Сам прикинь, чувак. Мы тут премся, как по проспекту. Темно, как у негра в жопе, не видно ни х... На юге змей завалом, а в горах они вообще на каждом шагу. Весной змеи агрессивные, потому что спариваются, и яд у них – будь здоров, не кашляй. Сейчас, чувак, весна, если ты не знал, а до ближайшей больнички... – Юрик присвистнул. – И то вопрос – есть ли у медиков сыворотка, по нынешним паршивым временам? Или они ее давно пропили...

– Уверен, что нет, – подал голос Армеец.

– Ну, и?

– Что, ну? Хватанет за ногу, и привет. Смерть мухам. Прощай Родина и все такое.

Гремучие змеи тут не-не водятся, – сказал Армеец учительским тоном. – Они на Кавказе водятся. З-змеи на полуострове п-представлены несколькими видами. Впрочем п-пресмыкающиеся – это еще пол бе-беды. Насекомые в эту пору го-года куда опаснее змей, в Крыму есть ве-вероятность повстречать тарантулов, сколопендр и даже фаланг, чьи укусы ве-весьма болезненны и не-небезопасны. А вот в-встреча с «че-черной вдовой»³⁵ мо-может запросто обернуться большими не-не-не...

– Хватит, блин! – зарычал Протасов. – Задолбал, профессор. Отвянь! Змеи, тарантулы, вдовы даже, какая, на хрен разница, от чего помирать, если так и так – кругом полная жопа?

– Не-не скажи...

Вскоре галерея стала значительно шире, воздух заметно посвежел. В принципе, его нельзя было назвать спертым и раньше, сколько они не углублялись в недра горы, по катакомбам циркулировал еле заметный ветерок, как доказательство существования как минимум нескольких выходов на поверхность, обеспечивающих приличную тягу. Теперь же им буквально пахнуло в лицо, как бывает, когда стоишь на берегу моря, высматривая огни далекого маяка. Журчание стало гораздо громче, теперь ни у кого не возникало сомнений, – где-то бежит ручей. Планшетов перешел на бег, опередив Протасова. А затем резко затормозил. Протасов, шагавший следом, как Петр Великий с известной картины Серова,³⁶ навалился сзади, и они едва не упали.

– Какого хрена ты творишь?! – возмутился Валерий. Сделав предостерегающий жест, Юрик опустился на четвереньки и принялся шарить по полу.

– Какого, говорю, хрена?

– Не шуми, чувак, – откликнулся снизу Планшетов. – Ты что, ничего не чувствуешь?

– Дует, блин, – сказал Протасов. – И конкретно дует, е-мое.

– А я тебе о чем? Вдруг впереди обрыв, а? Хочешь с разгону в подземную реку влететь?

Опасения были не напрасны, журчание воды теперь напоминало шум горной реки средних размеров. Протасов пожал плечами, мол, делай как знаешь, окрестив Планшетова Чингачуком.³⁷ Впрочем, как вскоре выяснилось, упасть в реку они все же не рисковали. Непрогляд-

³⁴ Термин, которым моряки обозначают головной корабль кильватерной колонны судов

³⁵ То есть каракуртом, самка которого поедает самца после спаривания. Собственно, отсюда и произошло название

³⁶ Темпера «Петр I» (1907) создана художником Валентином Александровичем Серовым (1865–1911)

³⁷ Вождь индейцев, персонаж серии романов американского писателя Джеймса Фенимора Купера (1789–1851), которого называли Вальтером Скоттом США. Самые известные романы «Последний из Могикан», «Прерия», «Следопыт»

ная темень, не то, чтобы отступила, но, теперь они смогли различать силуэты друг друга. Это, конечно, не был свет, скорее, капля серебрянки в ведре гудрона. Вскоре приятели обнаружили его источник, – почти правильной формы прямоугольник, величиной с панорамное окно, пробитый или вырезанный в стене. Он флуоресцировал призрачным рассеянным светом.

– Там пещера, чуваки, – сказал Юрик, осматривая проем. – И здоровуцая, положе. Дна не видать. Стены гладкие. Не спустимся, сто процентов.

Не-неужели подземная река? – спросил Эдик, облизав растрескавшиеся губы. Пить хотелось безбожно, на ум пришла история царя Тантала,³⁸ которую он много лет назад рассказывал тем любознательным детям, что согласились посещать его факультатив, после уроков.

– Откуда тут река, чувак?

– Ли-ливень, – догадался Армеец. – На-наводнение, Юра.

Юрик так далеко высунулся из проема, что Эдик с ужасом подумал: сейчас вывалится, и, кувыркаясь, полетит вниз, оглашая душераздирающими воплями окрестности.

– И ни веревки, ни ведра, чтоб водички зачерпнуть, – сокрушался Планшетов. – Вот черт! Как думаешь, далеко до дна?

– Мо-можно бросить монетку, – предложил Эдик.

– Чтоб сюда вернуться, что ли? – удивился Протасов. – Ну, ты и дурак, Армеец.

– Чтобы определить г-глубину п-провала, – холодно пояснил Эдик и, воспользовавшись темной, энергично покрутил у виска.

Откуда по нынешним временам мелочь?³⁹

– То-тогда камушек найди.

– Пойди сам найди. Тут пол гладкий, как в душевой. – Планшетов похлопал себя по карманам. – О, есть кое-что! – Он извлек связку с брелоком в виде пластикового скелета, прикованного к кольцу за шею.

– Что это звенит? – спросил Протасов.

– Ключи от «Линкольна», чувак. Я их из замка зажигания чисто машинально выдернул, перед тем как мы тачку с горы столкнули. Эдик? Тебе ж они больше не нужны?

– Кидай на хрен, – решил за Армейца Протасов. Планшетов швырнул связку в провал.

– Та-та-там...

– Цыц ты! – рявкнул Протасов. – Шлепка не услышим.

Настала мучительно долгая пауза, пока, наконец, снизу не долетел короткий металлический лязг, а еще через мгновение хлоп, с которым ключи скрылись под водой. Связка достигла дна.

– Стену зацепили, – предположил Юрик.

– Плуг, блин, даже кинуть, по-человечески не умеешь.

Планшетов не стал препираться:

– Этаж четвертый, – присвистнул он. – Впечатляет.

– Чтобы не шестой, – кивнул Протасов.

– К-ключи! – крикнул Эдик. Он так разволновался, что покраснел.

– Мы в курсе, что ключи, – отмахнулся Протасов. – Успокойся, Армеец. Пускай пока полежат. Место надежное, е-мое. Никто не слямзит.

– От к-квартиры, идиот! – выпалил Армеец. – От квар-ти-ры!

– Пардон, чувак, мы ж не знали.

– Что, н-не знали?! Ригельного ключа от автомобильного о-отличить не в состоянии?!

³⁸ Царь Тантал, персонаж древнегреческих мифов, за ужасное преступление был наказан богами следующим образом: он должен был вечно стоять в воде, под ветвью яблони, но при этом не мог ни нагнуться, чтобы утолить жажду, ни дотянуться до яблочка, чтобы утолить голод

³⁹ В 1994 году в ходу на Украине были только бумажные деньги, так называемые купоны, которые обесценивались быстрее, чем их печатали за границей

– Так темно, чувак!
– В голове у-у тебя темно, Планшетов. Олигофрен. В-взял – ключи вышвырнул. Замки израильские. Дубликатов нет. Как я домой попаду?!
– Ты сперва живым отсюда выберись, – сказал Протасов мрачнее.
– Типун тебе на язык! – выпалил Армеец. Протасов пожал плечами:
– Вот что, парни. Привал.
– До-догонят они нас.
– Так и будет.
– Ты, П-протасов, у-умеешь успокоить.
– Зато не вру, – парировал Валерий. – Надоело, в натуре, врать. Всю жизнь вру, блин. И становится только хуже.

– С ка-каких это пор ты прозрел?
– С недавних. – Протасов сел прямо у проема, привалившись спиной к стене, кряхтя вытянул ноги. Свежий ветерок шевелил его коротко стриженные волосы, Валерка закрыл глаза. Эдик постоял над ним с минуту, потом опустил на корточки рядом, положил холодные тонкие пальцы на напоминающее полешко средней величины запястье приятеля. Валерий даже не шелохнулся.

– Что-то ты мне не-не нравишься, Протасов.
– Я и сам себе не нравлюсь, – буркнул Валерий. Армеец покачал головой:
– Пе-перестань, ладно.
– Скоро, в натуре, перестану.
Планшетов, стоя в проеме на четвереньках, как собака, потянулся куда-то вниз.
– Ты посмотри на этого Веллингтона, – сказал Протасов, впрочем, без особой тревоги в голосе, – сейчас точно на хрен вывалится.

– Ты-ты должно быть, имел в виду Ливингстона? – почесав висок, спросил Армеец. Протасов одарил его мрачным взглядом:

– Я опять что-то не то сказал, да, умник?
Ну, ты на-наверное имел в виду пу-путешественника?⁴⁰ – с некоторой опаской пробормотал Эдик. Протасов меланхолично пожал плечами, пропуская это замечание мимо ушей. Махнул рукой:

– Ну и пускай себе вываливается. Никто плакать не будет. Не велика потеря, блин. Тем более, нам – так и так крышка.

– П-прекрати, Ва-валерка. Как-нибудь выкрутимся. Прорвемся, не в первый раз. Протасов долго не отвечал, Эдик даже подумал, что он заснул.

– А куда мне прорываться? – в конце концов осведомился Протасов. Неправдоподобно тихо для себя. – Если у меня, ни флага, ни Родины, блин?

– К-как это, к-к-куда?
– Олька на порог не пустит, после того, что я ей наделал. Да и на хрен я ей сдался, без бабок. Найдет, кому ноги раздвинуть. Да и в город мне нельзя. Или менты закроют, пожизненно, или вообще убьют. Баба с воза, легче коням. И, концы в воду.

– Можно было б, конечно, в гребаный Цюрюпинск податься, – продолжал Протасов еле слышно, словно для себя, – к дяде Грише под крыло, как зема хотел. Так и Вовки теперь нет.

– Валерка... – начал Армеец просто для того, чтобы хоть что-то сказать.
– Ты-то, допустим, к своей Янке подашься, если, ясное дело отсюда выскользнуть повезет. Тем более, что грести до нее недалеко. А куда мне копыта двинуть, а, Эдик?

⁴⁰ Веллингтон Артур, (1769–1852), британский военачальник, фельдмаршал, сражавшийся в Индии с повстанцами, а в Европе – против Наполеона. Вошел в историю вместе с Блюхером как победитель Бонапарта при Ватерлоо. Ливингстон Давид, (1813–1873), врач и гуманист, знаменитый английский путешественник, исследователь Африки. Первым из европейцев достиг озера Нгами, открыл водопад Виктория и вышел к Индийскому океану. Умер в Африке

Они немного помолчали. Протасов делал вид, что спит, Армеец думал о Яне, поражаясь самому себе, как это она вылетела у него из головы, эта замечательная деревенская девушка, такая непохожая на тех, с которыми он регулярно встречался в городе, для поддержания либидо, главным образом. Тех, с которыми он спал, и даже получал при этом удовольствие. На которых тратил деньги, покупая всевозможные шмотки и прочую чепуху, или просто оплачивая услуги по счету в лоб, что гораздо честнее. Теперь, с подачи Валерия, Эдик вспомнил о ней, медсестре из Крыма, выхаживавшей его на протяжении месяца, возможно, подарившей ему вторую жизнь. Чтобы он снова взялся просаживать ее самым бездарным образом. Эдик тоже закрыл глаза, и сразу увидел Яну. Молоденькая медсестра стояла перед ним против солнца, но не заслоняла его, ничего подобного. Она сама сияла, от русских с рыжинкой волос до носков аккуратных белых туфелек, тех самых, что были на ней, когда они виделись в последний раз, потому что он ему приспичило возвращаться в столицу. Он уехал, влекомый, вероятно, тем самым самоубийственным инстинктом, который заставляет дельфинов сотнями выбрасываться на отмели, время от времени. А она осталась. Теперь ему захотелось ее вернуть, во что бы то ни стало. А для этого, для начала, требовалось остаться в живых. «Приказано выжить», в детстве он что-то такое читал, из раздела патриотической литературы, которая призвана воспитывать подростков на героических примерах из прошлого. «Я иду, Яна», – услышал он свой голос, он летел как бы со стороны, она в ответ улыбнулась и протянула руки. Эдик шагнул к ней, как арестант из камеры смертников, который ловит первые солнечные лучики, проникающие ранним утром через зарешеченную бойницу в темницу, и не может наглядеться рассветом. Потому что он – последний.

– Я знал, что так и будет. – Ворвался в его голову Протасов, и прекрасное видение стало блекнуть, форточка захлопнулась, лязгнули замки. Армеец вздрогнул, как приговоренный, за которым пришел конвой, поскольку палач уже намылил веревку на виселице во дворе. Следовательно, настало время. – Знал, блин, чем все закончится, еще когда эта гребаная подстилка ментовская предложила на Васька невозвратный кредит повесить. Который я через Нину Григорьевну протолкнул...

– К-какой кредит? – не понял Армеец. Он еще был под впечатлением, ему не хотелось открывать глаз, он не мог расстаться с Яной, пусть она была далеко. – Ты о чем го-говоришь, Валерий? Какая по-подстилка?

– Мусорская, – повторил Протасов, как будто это хоть что-то объясняло Армейцу. – Та самая сучка, которой я под хвост зарядить хотел, чисто конкретно припекло. Потом ее, видать, ее же дружки легавые и слили, как говно в унитаз, из-за бабок. А до этого – Кристину грохнули. Или, что-то такое. Я, конечно, точно не в курсе, но, сам посуди, Армеец, как бы они иначе толстого мудозвона заставили зубами каштаны из огня тягать, а?

– Ка-какую Кристину? – не понял Эдик. – Бонасюк?

– Ну, не Орбакайте ж, блин. А я, Армеец, ни хрена Андрюхе не сказал, когда он про нее спрашивал. Усекаешь, да? Из-за этих бабок гребаных, которые один хрен мимо рта проплыли. А потом и сам Андрюха пропал.

– Мы его вытащим, – не особенно уверенно сказал Армеец.

– Ты себя сначала вытащи, – вздохнул Протасов. Без обыкновенного для себя нажима, а так, констатируя факт. – Как этот пень в треуголке из мультика. Из болота за яйца...

– За во-волосы, если ты о Мюнхгаузене.

– Да какая, в натуре, разница? Хоть за уши, а, поди, попробуй...

– Вот такая вышла шняга, Армеец, – вздохнув, добавил Протасов. – На голову, в натуре, не одевается.

– Ка-кая шняга?!

– Конкретная, блин, ты что, тупой? Олькину тещу с работы поперли, – продолжал Протасов, – а потом ее кондратий хватил, на нервной почве.

– С-свекровь, – поправил Эдик, хоть понятия не имел, о ком речь.

– Может у тебя и свекруха, лапоть, а у меня, значит, теща. – Валерий махнул рукой. – Ладно, Эдик, какая разница? Смысл в том, что у Ольки с пацаном – никого, кроме Нины нет. Она ей, понимаешь, как мать. Муж ее – на голову трахнутый богомолец. Сектант. Ольке теперь – только засылай капусту гиппократам, чтобы Нину на ноги поставить, а где ее взять? Хоть на Окружную иди, так там своих хватает, работниц, блин. Выходит, я ее по миру пустил. Она мне так и сказала, будь ты проклят, Протасов. Понял, да? – Это, конечно, было запоздалое раскаяние, но лучше позже, чем никогда.

– Андрюха Бонасюка задавил в селе, да и хрен бы с ним, толстым жмотом, а вот малых Иркиных жалко. – Протасов вернулся к списку потерь, который, по мысли Армейца, тянул на местную Красную книгу. – И Ксюху, и Игоря. Малой теперь один путь – на панель, а читатель... Начитается теперь, в детском доме. – Валерий все ниже склонял голову, пока подбородок не уперся в грудь.

– Я, Армеец, не в курсе, отвечаю, кто в той дыре гребаной людей валил, сама Ирка трудилась, или ее конченный трухлявый папаня помогал, этот Вэ. Пэ. Пастух обдолбанный, мать его, который к тому же давно сдох, или вообще, дружки его с погоста, хер их разберешь. Только менты всех мертвяков мне на шею повесили, для пользы дела, так что я теперь в натуре круче, чем этот задрот, Чикатило кажется, который по поездкам баб с детьми мочил.

– Так что, Армеец, – добавил Протасов после очередной паузы, – тут, куда ни глянь, всюду край, по всем понятиям. Ты вот говоришь, прорвемся, а куда?..

Эдик искал слова утешения, но под рукой не оказалось ни одного. И вокруг тоже. Пока Армеец занимался бесплодными поисками, Протасов его окончательно добил:

– Хорошо хоть старик мой умер заблаговременно. Не прочитал, бляха, про сынка душегуба в какой-нибудь долбанной газете.

Планшетов, отчаявшийся добраться до воды, с шумом опустился рядом, и Армеец решил, что он больше ничего не услышит от Протасова. Это оказалось не так. Валерий нагнулся к нему, они едва не соприкасались лбами, совсем как в детстве, когда они обговаривали какую-нибудь очередную шалость.

– Слышь, Эдик? Ты это...

– Ч-что?

– Ты, если что, скажи Андрюхе...

– Что значит, е-если что?

– Скажи ему... Скажи, что я... блин, не хотел, чтобы так вышло...

– Сам ему скажешь...

– Нет, – Протасов покачал головой. – Ты меня понял, да?

– О чем вы там шепчетесь? – спросил Планшетов. – Если решаете, кого первым жрать, то я, кажется, предупреждал: у меня глисты и сифилис.

– Заглохни, неумный, – посоветовал Протасов беззлобно. – Все, Армеец, мне надо вздремнуть. Через полчаса подъем. Кстати, Планшет, теперь идешь первым. Понял, да?

– Почему я?

– Чтоб больше о змеях трепался.

Протасов затих, повернувшись к Эдику спиной. Не прошло и пяти минут, как Армеец и Планшетов услышали храп, который принято называть богатырским, хоть, на самом деле, ничего богатырского в нем нет. Протасов действительно задремал, быстро, словно был лампочкой, которую отключили от сети.

– Во дает, – прошептал Юрик, нагнувшись к Армейцу, – точно спит. Ну, дела...

– Чистая совесть, – тоже шепотом ответил Эдик.

– У него? Это даже не смешно, чувак. Скорее – вообще никакой совести.

– Или так, – не стал спорить Армеец.

– Не гони, хорек... – пробубнил сквозь сон Протасов. – Жизни лишу.

* * *

Миновав нижнюю точку, штольня пошла в гору и снова начала расширяться. На первых порах подъем был таким плавным, что приятели ничего не заметили. Змеи им, к счастью, так и не повстречались. Еще через полчаса Планшетов встал как вкопанный.

– Ш-ш-ш! – зашипел он. – Тихо, чуваки. Там, впереди, кто-то есть.

– С чего ты взял? – прошептал Протасов. – У тебя прибор ночного видения под черепухой? Чего раньше не сказал?

– Табак, – пояснил Юрик, поводя носом, как служебно-розыскная собака. – Впереди кто-то курит, чувак.

– Я ни черта не унюхиваю, – сказал Протасов.

– Ты не курильщик, чувак.

Планшетов не чадил с утра, и никотиновый голод терзал его безжалостно, а нос чувял табачный дым, как акула вкус крови в морской воде. – «Золотое руно» курят, чувак. С застоя этих сигарет не встречал...

– Горели бы они огнем!

– Горели или нет, а впереди засада, чувак!

– Что бу-бу-будем делать?

– Прорываться, – хрустнув ладонями, Протасов переправил сумку с гранатами с плеча на шею, взял автомат, снял с предохранителя, передернул затвор.

– А – м-может?..

– Никаких может, Армеец. Пошли, надерем дебилам задницы. Погнали наши городских, короче.

Последняя фраза частенько слетала с языка Волыны. Дурные предчувствия, терзавшие Эдика на протяжении всего пути под землей, переросли в уверенность, но Валерий уже зашагал вперед. Юрик отступил к стене, предоставив Протасову свободу действий:

– Тебе и карты в руки, если ты знаешь, что делаешь, чувак.

– Я всегда знаю, – заверил Протасов.

Вскоре мрак расступился, тоннель стал значительно шире и пошел круто вверх. Появились ступени, высеченные в известняковом полу, вместе с овальным сводом придав подземному ходу некоторое сходство с эскалатором в метрополитене. Для полноты ощущений не хватало только барельефов, изображающих сталеваров в касках у мартена, шахтеров с отбойными молотками на плечах и доярок, дергающих за соски вымя, вроде того, что Атасов временами покупал для Гримо, в мясной лавке у метро КПИ.

Подымаясь, Протасов топал, как слон. Армеец попытался его вразумить, Валерий нетерпеливо отмахнулся.

– Доверься мне, Эдик.

Их естественно, немедленно засекли.

– Эй?! Кто там прется?! А ну, блядь, выходи! – рявкнули сверху. – Выходи, падло, грабли над головой держать!

– Спокойно, пацаны, это я! – крикнул Протасов, продолжая подниматься, как ни в чем не бывало.

– Что ты делаешь?! – задохнулся Армеец, подумав, что настало самое время падать в обморок.

– Руки за голову, – процедил сквозь зубы Валерий, пропуская приятелей вперед. Эдик с Юриком ошеломленно переглядывались, до них еще не дошел утонченный замысел, обоим чертовски хотелось обратно, под спасительный покров темноты. У Юрика громко заурчал

живот. Валерий подтолкнул его стволом автомата, который держал в руках. – Шевели копытами, сучара! Армеец, – добавил он вполголоса, – тебя тоже касается.

– Кто это, я?! – крикнули сверху.

– Мотыль, – представился Валерий, вспомнив недавний рассказ Планшетова. – Подсветите мне, пацаны... чтобы я тут грабли не обломал. Шнеле, тварь! – последнее относилось к Армейцу.

Эдик высоко задрал руки и, опустив голову, начал карабкаться по лестнице. Планшетов мешкал, Валерий, не долго думая, от души пнул его коленом под зад. Вышло натуралистичнее, чем в кинохронике времен Второй Мировой войны, демонстрирующей героических американских морских пехотинцев, берущих в плен целые стада недобитых самураев. Вероятно, у Протасова были врожденные способности конвоира, которые следовало только развить, огранив, как алмаз, чтобы стал бриллиантом. Юрик буквально взвыл:

– Копчик, б-дь! Что ж ты, сука, делаешь?!

Сверху одобрительно заржали. Лучи фонарей упали вниз, с непривычки они казались прожекторами, сфокусировавшимися на них, будто они были акробатами в цирке. Перед смертельным номером.

– Захлопнул плевалку, и вперед бегом марш! – рявкнул Протасов.

– Кто это, б-дь, с тобой? – поинтересовались сверху. Теперь стала видна сложенная из валунов баррикада и три черных головы над ней. – Ты что, киевских взял?

– А то, – крикнул в ответ Валерий, радуясь, что часовые сделали именно те выводы, на какие он рассчитывал.

– Их, вроде, б-дь, больше было?

– Было трое, – не стал спорить Протасов, – стало двое. Одного завалил на х...

– Наши еще одного кончили, – сообщили из-за баррикады. Протасов сглотнул, но выдержал удар. В принципе, он не узнал ничего нового, о Вовке.

– Тогда сушите весла, пацаны, – сказал Валерий слегка осипшим голосом. – Поехали водку жрать.

– Это всегда.

Ступеньки закончились, они очутились среди бандитов, без единого выстрела, как и надеялся Протасов. Правда, уже наверху ему довелось пережить сильнейший стресс. От неожиданности Валерий разинул рот, рискуя проглотить летучую мышь. Если, конечно, эти животные водились в катакомбах.

Крымских оказалось всего трое. Зато – на всех троих была серая милицейская форма.

Двое занимали позиции по обеим сторонам узкого прохода, оставленного между уложенными одна на другую глыбами. Оба были вооружены автоматами Калашникова с укороченными стволами. Третий стоял чуть поодаль, помахивая чудовищных размеров револьвером, который в свете электрических фонарей блестел как зеркало. Именно этот револьвер, весьма отдаленно напоминающий штатный ПМ, как ни странно, привел Валерия в себя, дав понять, кто перед ним: обыкновенные бандиты, без разницы, нарядившиеся милиционерами или оборотни. Он уж было подумал, в первую секунду, что напоролся на настоящих стражей закона, привлеченных устроенной в ущелье канонадой. Теперь все стало на свои места. Адреналин бурлил в крови. Протасов испытал кураж.

– Нехилый у тебя ствол, – бросил он хозяину револьвера, как только поравнялся с автоматчиками. – Конкретный. Ты с ним полегче, друг, а то отстрелишь кому-нибудь из корешей женилку. – Валерий выдавил из себя улыбку, губы хозяина револьвера остались вытянуты тонкой нитью. Ствол револьвера смотрел точно в живот Протасову.

– Ты с Крапивой приехал? – осведомился один из автоматчиков, грузный толстяк в серой шинели с погонами старшины. Валерий, не удостоив его даже взглядом, смотрел в лицо хозяину револьвера. Судя по капитанским звездам, именно он был тут главным.

– Я на Крапиву харкал с высокой башни, – сообщил Протасов высокомерно, для верности оттопырив нижнюю губу. – Меня лично Леня попросил вмешаться. Такой вот расклад. Говорит, блин, уделались мои пацаны, выручай, мол, Мотыль. Без тебя, короче, кашу не сварим. Врубился, браток, что к чему?

Самоуверенная тирада Протасова не произвела ровно никакого впечатления на милицейского капитана. Напротив, его черные цыганские глаза враждебно буравили Валерия, действуя ему на нервы. Он терпеть не мог черномазых, цыган даже больше остальных. Поэтому, недолго думая, он переключился на третьего милиционера, совсем желторотого сержантика, которому на вид было от силы лет восемнадцать. Судя по многочисленным россыпям прыщей на физиономии, его организм только вступил в пору полового созревания.

– Изолента имеется, браток? – спросил Валерий, вешая автомат обратно на плечо с непринужденным видом солдата, долго пробивавшегося из окружения и вот теперь очутившегося среди своих.

– Изолента? – переспросил желторотый младший сержант. – На х-я?

– Как, на х-я? – взбеленился Валерий. – А чем хорьков повязать? Твоим, блин, длинным языком?

– Наручники есть, – вспомнил грузный старшина. Чернявый капитан, которого Протасов окрестил в душе цыганской мордой, смолчал. В общем, Протасов бросил перчатку, никто из крымских ее не поднял.

– Тащи сюда, – распорядился Валерий, украдкой оглядываясь по сторонам.

– Так они наверху, в бобике, – доложил юный сержантик.

– Да мне по фонарю, где! – взорвался Валерий, почувствовав себя хозяином положения. – Или ты хочешь, чтоб эти два плуга сбежали, а тебе Леня яйца, в натуре, открутил?!

Этого, конечно, не хотел никто из присутствующих, прыщавый милиционер – в первую очередь. Он обернулся к старшине, за советом, тот посмотрел на капитана. Цыган нехотя кивнул. Старшина махнул рукой, давай, сделай, сержант, повесив автомат на плечо, поспешил на выход, к машине.

«Заодно дорогу на поверхность покажешь», – решил про себя Протасов, наблюдая, как бандит удаляется по пещере, разительно отличавшейся от той, которой они пришли. Если до лестницы подземный ход был не шире коридора, то теперь вырос во много раз и в ширину, и в высоту. Своды уходили вверх, величественные, словно хоры в храме, растворяясь во мраке под потолком, напоминающим купол. Протасов не страдал клаустрофобией, но и ему стало легче дышать, после тесного подземелья. Ситуация оставалась критической, крымские бандиты могли в любую минуту прозреть и схватиться за оружие, да мало ли что еще могло произойти, тем не менее, лучик надежды забрезжил Валерию, и он подумал: неужели выкручусь? Зал, именно это определение, первым пришло на ум Протасову, действительно походил на храм, кровлю которого некогда поддерживали высеченные из камня колонны. Их остатки валялись повсюду. Сходство с храмом усиливали арочные ходы, сделанные в боковых стенах. Откуда-то сверху просачивался рассеянный свет. В общем, это, возможно, действительно был храм, построенный задолго до того, как возникло само христианство. Армейцу, стоявшему правее Протасова с по-прежнему вздетыми к потолку руками, и тоже разглядывавшему величественную картину, пришел на ум образ древнего языческого капища, где некогда клубился дым жаровен, слышалось монотонное пение, первобытные люди, пав ниц, молились свирепым идолам, а жрецы вспарывали животы жертв отточенными каменными тесаками, бросали трепещущие сердца на алтарь, чтобы плотоядные боги утолили голод. Тошнота подступила к горлу, когда Эдик представил себя, связанным, среди этих жертв, ожидающих своей очереди.

Как только один из автоматчиков исчез под сводами, Протасов решил, что настало время действовать. Правда, второй автоматчик держал на мушке Армейца с Планшетовым, это, конечно, здорово усложняло задачу.

На ближайшем камне, который вполне мог служить языческим алтарем в незапамятные времена, Валерий заметил разложенную поверх клеенки еду: три кольца домашней колбасы, нарезанных нежадными дольками, лепешку грузинского лаваша, свежие помидоры, несколько пучков зеленого лука, соль в спичечном коробке, двухлитровую бутылку минералки, термос и пластиковые стаканчики. Рядом пристроились парочка милицейских ушанок.

Протасов по-собачьи потянул носом воздух. Он успел основательно проголодаться, бегая битый час по подземельям. Кроме того, сервированный по-походному жертвенный камень располагался аккурат за спиной оставшегося на посту автоматчика. Протасов подумал, что просто обязан туда попасть.

– Слышь, братан, я плесну кофейку, если не жалко? – сказал Валерий, обращаясь к чернявому капитану, который продолжал поигрывать своим револьвером.

– Сделай одолжение, – сказал Цыган и осклабился.

* * *

Очувтившись у жертвенного камня, Валерий, первым делом, опустил на него автомат, положив оружие таким образом, чтобы ствол смотрел прямо между лопаток старшине. Его широченная спина представляла собой прекрасную мишень. Чернявый с револьвером не спускал с Протасова глаз. Взяв со стола термос, Валерий свинтил крышку, пододвинул себе пластиковый стаканчик, наполнил до краев дымящейся ароматной жидкостью. Капитан наблюдал за его движениями внимательно как ребенок за иллюзионистом в балагане.

– Что у тебя за пушка, братан? – осведомился Протасов, сделав большой глоток. – Никогда таких здоровых не видал.

– «Магнум-44», – сказал бандит.

– Блестит, как у кота яйца.

– Рад, что тебе нравится, Мотыль.

– Сорок четыре, это какой калибр, если по-нашему?

– Одиннадцать миллиметров...

– Ого... – с уважением протянул Протасов, перекладывая стакан в левую руку, чтобы освободить правую. – По слонам стрелять не пробовал, приятель?

– В зоопарке?

– Почему бы и нет? – удивился Протасов, его правая рука медленно проплыла над столом, дрогнув, как «паук» мостового крана, зависла над кольцом колбасы. Автомат лежал рядом, в нескольких сантиметрах. – Слушай, я тут пожую немного? – добавил Валерий. – Ужас, как жрать охота. Надо чего-то в топку кинуть.

– Валяй, бросай, – согласился чернявый капитан.

Набирая в легкие побольше воздуха, перед тем, как схватить автомат, Валерий бросил короткий взгляд на приятелей, рассчитывая, что они поймут его замысел, и успеют растянуться на полу прежде, чем из автомата веером полетят пули. Планшетов и Армеец смотрели на него округлившимися от ужаса глазами. Протасов, про себя, обозвал обоих трусливыми хорьками. Его пальцы легли на рукоять, указательный нащупал холодный металл курка.

– Замри, пидор! – пролаял кто-то у него за спиной. Холодный тупой предмет ткнулся в затылок, и без третьего глаза стало ясно – это пистолет. Валерий замер, делать было нечего.

– Сними грабли с курка, – приказал чей-то голос из-за спины.

– Вот и Огнемёт, – со сложной смесью облегчения, злорадства и подобострастия выдохнул чернявый капитан, вооруженный «Магнумом», направляя блестящее дуло револьвера в живот Протасову. У Валерия мелькнуло, что, учитывая калибр и начальную скорость пули, чернявый, нажав собачку, рискует заодно с ним пристрелить и своего шефа Витрякова. Впрочем, сам Протасов этого бы уже не увидел.

– Руки за голову, членосос.

Выполняя распоряжение Лени, Валерий, наконец, услышал нарастающий топот нескольких дюжин ног, это спешили остальные люди Витрякова, их было человек десять, может быть, даже больше. Бандиты устремились к Протасову, как пираньи к тапиру. Валерий стоял, положив ладони на затылок. Витряков и милиционер с «Магнумом» держали его на мушке. Как только головорезы обступили Протасова, Леня убрал пистолет за пояс и плотоядно осклабился. Словно людоед из сказки, которому подали на обед утонченный десерт.

– Мотылем себя, сука, назвал, – сообщил грузный старшина. – Наглый пидор, да, Леонид Львович? Видать он Мотыля и замочил.

– Это он, сука, гранатами швырялся, когда пацаны по обрыву ползли.

– Повернись ебальником, гнида! – пролаял Огнетет. – Чтобы я в твои зенки подлые посмотрел, перед тем, как они у тебя, б-дь на х... на лоб вылезут, когда я тебя на ломти строгать буду.

Протасов повернулся, с минуту они мерялись взглядами. Огнетет никогда не жаловался на рост, тем не менее, ему пришлось несколько задрать голову, и это обстоятельство окончательно вывело Леню из себя. Протасову, наоборот, вынужден был немного опустить подбородок. Целеустремленная физиономия Витрякова, с сильно развитыми надбровными дугами, высокими зальсинами и горящими неукротимой злобой глазами напомнила Валерию лицо профессора Мориарти из советской экранизации «Последнего дела Холмса», противоборство с которым у Рейхенбахского водопада едва не стоило жизни герою Василия Ливанова.⁴¹

– Я тебе, сука, селезенку вырежу, – процедил Витряков. Протасов решил, что это не пустая угроза. Ой, нет.

– За наручниками, говорит, сбегай, – вставил зеленый автоматчик, которого Валерий отправил на поверхность. – Урод, б-дь...

– Что ж ты бегал, мудила?! – фыркнул кто-то. Лицо зеленого сержанта стало пунцовым.

– Он, Огнетет, еще и колбасу нашу хотел сожрать, – подлил масла в огонь толстый старшина. – Прикинь, вообще охуел...

– Ну, мы тебя сейчас накормим, – пообещал Огнетет. – Эй, кто-нибудь, тащите сюда, б-дь на х... канистру с бензином.

– Накорми сначала свою маму, – посоветовал Протасов. – Или она больше бесплатно не сосет?

Опрометчивое заявление Протасова стало последней каплей. Витряков мог убить Валерия на месте, хоть и не был сторонником скорых расправ, какой в них вообще интерес? Еле сдержавшись, чтобы не пустить наглецу пулю в лоб, Леня выбросил руку, намереваясь наградить Протасова впечатляющей затрешиной. Для начала. Движение было молниеносным, Леня редко замахивался, но он не знал, что стоит перед профессиональным боксером. Валерий автоматически качнул маятник, ладонь Витрякова прошла выше, лишь взъерошив волосы на затылке. Распрямляясь, Протасов ударил снизу, под руку противнику, вкрутив кулак в то место на животе Витрякова, где согласно всем правилам анатомии, должна была находиться печень. Апперкот сразил Леонида наповал, его лицо стало бурым, глаза вылезли из орбит, на высоком лбу надулись синие вены. Подавившись коротким вскриком, Огнетет рухнул на колени, как подкошенный.

– Ни х... себе?! – тонким, пронзительным голосом выкрикнул один из автоматчиков, тот, который бегал в машину за изоляцией, но это было все, по части слов и ругательств. Бандиты остолбенели, в пещере стало тихо, как на погосте, только Витряков корчился на полу, кусая губы зубами. Крымские бандиты сгрудились вокруг Валерия, но никто не решался начать.

⁴¹ Замечательный сериал по мотивам рассказов А. Конан Дойла «Приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона» был снят в конце 1970-х режиссером Игорем Масленниковым. В ролях: В. Ливанов, В. Соломин, Р. Зеленая и др.

Никто не посмел сократить расстояние, хоть они все были вооружены, кроме Протасова. Наконец, никто не осмелился подать руку Лене, прекрасно понимая, чем это грозит, когда Огнемёт очухается.

– Ты покойник, – в конце концов, выдавил из себя чернявый капитан. Его слова прозвучали, как констатация факта. Протасов и без них понимал, что пропал.

– Ты тоже покойник, – сказал он на удивление тихо. – Все вы, козлы безрогие, конкретные мертвяки, в натуре.

Чернявый капитан от неожиданности поперхнулся. Валерий медленно протянул ему руку, разжал пальцы прямо под носом. На ладони поблескивало стальное кольцо, которое он исхитрился незаметно выдернуть во время потасовки из гранаты.

– В курсе дела, что за хрень? – поинтересовался Протасов замогильным голосом, поскольку окружившие его бандиты молчали. – Это, долбобуи вы недоношенные, предохранительная чека осколочной противопехотной гранаты. А вот, блин, сама граната, чтобы никто из вас, дятлов, не думал, что я шутки шучу, – Протасов продемонстрировал левый кулак, обхвативший зловещего вида рифленый шар величиной со среднюю елочную игрушку. – Называется Ф-1. Весит полтора кг. Поражает пальцем сделанных клоунов вроде вас стальными, бляхламуха, шариками и прочей херней в радиусе двадцать метров. Усекаете, козлы, куда я клоню?!

– Еб твою мать... – вылетело у чернявого капитана. Больше никто не проронил ни звука, остальные ошалело молчали. Витряков, красный как рак, сумел привстать на одно колено и теперь немного напоминал обколотившегося спринтера, в попытке выполнить команду «на старт».

– И это еще не все, – добавил Протасов, повышая голос. – Потому как в торбе у меня на брюхе – гребаное ведро этих самых гранат. И только я, отморозки вы обдолбанные, отпущу скобу... – Протасов воздел руку с гранатой к потолку, – то... то, блин... – он запнулся, добавить было нечего.

Планшетов и Армеец тоже услышали его слова, они наблюдали это последнее сольное выступление Протасова со стороны, из зрительного зала. Они все еще стояли, задрав руки, хоть никто в них теперь не целился, бандиты забыли о них, на кону были собственные шкуры. Продолжая держать ладони кверху, оба, не сговариваясь, попятнулись за пределы электрического света и сцены. В темноту. К пожарному выходу.

– Автомат бы... – прошептал Планшетов. Но, оружия у них не было. Ситуация зашла в тупик, оба прекрасно понимали это. Крымские не могли просто так попрощаться и уйти. Протасов не блефовал. Следовательно...

Развязка наступила неожиданно. Одни из милиционеров, прыщавый сержант, бегавший за наручниками, выпустил автомат Калашникова из рук, и, дико визжа, прыгнул к Протасову. Вцепился в бицепс руки, которая держала гранату, и повис на нем, как дистрофик на школьном турнике. Протасов хотел стряхнуть его, как муху, но в этот момент другой бандит схватил его из-за спины за шею.

– Валите его!!! – не своим голосом завопил чернявый капитан и, в свою очередь, повис у Валерия на руке взбесившимся фокстерьером.

– Не дайте ему разжать кулак!!! – страшным голосом заорал Витряков. Он уже поднялся на ноги и стоял, раскачиваясь, как телебашня во время урагана. Ряды окружавших Протасова бандитов пришли в хаотическое движение. Часть головорезов отпрянула, другие бросились на Протасова, как свора псов на медведя. Началась страшная давка, короткая и свирепая, как схватка неандертальцев у первобытного очага за кусок мяса, который в ту пору означал жизнь. Кто-то ударил Протасова под колени, чтобы повалить на землю, кто-то молотил по затылку кулаками и чем-то еще, пожалуй, железным, давил жадными пальцами сонную артерию и кадык, кто-то пытался выцарапать ему глаза. Сразу пять или шесть рук вцепилось в

кулак, с зажатой внутри гранатой. Лямки сумки не выдержала и лопнула, остальные гранаты с глухим стуком посыпались на пол.

– Не дайте ему разжать кулак, дегенераты!!! – снова заорал Витряков. Огнемёт не участвовал в схватке, только командовал, стоя чуть поодаль от дерущихся, жизнь которых зависела от одного элементарного движения. Просто разжать пальцы, вот и все. Был момент, Валерию удалось сбросить с себя большую часть противников, но, силы были неравны. Наконец, Протасов упал, как дерево в экваториальном лесу, на которое забралась целая стая обезьян. И, пропал из виду, исчез под навалившимися сверху телами, только его левая рука с гранатой еще с минуту торчала над клубком тел, как верхушка мачты затонувшего парусника. Под ногами валялись электрические фонарики, которые побросали бандиты, и светили в разные стороны. По стенам метались фантасмагорические тени, все это было как в аду.

– ЭДИКУХОДИ!!! – закричал Протасов, и Планшетов, которого крик настиг у похужей на эскалатор лестницы, понял, что сейчас будет взрыв. На секунду обернувшись, он увидел, как ослепительно-белое пламя вырвалось на свободу, разметая по сторонам куски тел, будто рваные тряпки. За первым взрывом последовала целая серия, скала дрогнула и начала оседать. Первым погиб языческий храм. Ее своды обвалились со стоном, перешедшим в оглушительный грохот. Высокие стрельчатые арки исчезли под завалами, как по мановению волшебной палочки. Правда, этого Планшетов уже не видел. Глаза не выдержали перегрузки, Юрик ослеп так быстро, словно ему на голову с маху одели ведро. Уже слепого его настигла ударная волна и играючи перебросила через баррикаду, сложенную на самом верху. Юрик кубарем покатился по ступеням, которыми они недавно поднимались втроем. В мгновение ока очутившись внизу, врезался лбом в стену, она даже здесь ходила ходуном. Гул, доносившийся издали, со стороны лестницы, свидетельствовал, с минуты на минуту следует ожидать убийственного камнепада.

«Беги!», – приказал себе Планшетов. С потолка коридора сыпался песок, точь-в-точь как вода, просачивающаяся через швы терпящей бедствие субмарины. За песком последовали камни, они вываливались из сводов, как зубы из пораженных цингой десен. Юрик подхватился и, прихрамывая и дико крича, ринулся наутек, по тому пути, которым они пришли. Зрение еще не восстановилось, на бегу Юрик опирался о стену, с ужасом ожидая, когда скалы сомкнутся, будто щечки тисков, и от него останется мокрое место.

* * *

Ему не суждено было умереть под завалом, по-крайней мере, не в этот раз. Он понял это, когда грохот за спиной понемногу стих. Камнепад прекратился, правда, где-то очень далеко еще гроыхало. Или, гроыхало у него в ушах?

Он точно не знал, но полагал, что отделался поразительно дешево. Кусок сланца до крови оцарапал голову. Кожа на коленях и локтях оказалась содрана до мяса, но это было все.

Юрик перешел на шаг, вскоре очутившись у того самого, напоминающего панорамное окно проема, открывавшегося в большую пещеру. Ту, куда они бросили ключи Армейца, и он еще возмущался, утверждая, что не сможет без них попасть домой. Где теперь сам Армеец, Юрик не имел представления, вполне могло быть так, что лежал где-то под завалом, рядом с Протасовым, стало быть, по ключам убивался зря, они ему были – без надобности.

Если раньше из пещеры доносилось журчание ручья, то теперь оно превратилось в рев, навевающий мысли о водопаде Виктория в Африке. Когда они устраивали возле проема привал, Эдик предположил, что жизнь в подземный ручей вдохнул ливень. Следуя этой мысли Планшетов решил, что буря снаружи разыгралась во всю, и дождь, очевидно, только усилился. Хоть воды все равно было многовато. Юрик полагал, до чертиков. Потом ему взбрело на ум, что

взрыв вполне мог продолбить скважину в какой-нибудь подземный резервуар, и теперь вода из него под большим давлением заполняет пещеру, как трюм напоровшегося на риф сухогруза.

«А если это так, чувак, то недолго и бульки пустить».

«Да что за дерьмо, в самом деле? То тону, то падаю. Синусоида какая-то получается. Если так пойдет дальше, тут и у коты жизнью не хватит».

Правда, его приятели не могли похвастать и этим, запасы их жизнью вышли.

Юрик немного постоял над обрывом, взвешивая шансы выскользнуть из подземелья тем путем, по которому они вошли. Камнепад, уничтоживший языческий храм, наглухо закупорил выход на поверхность, превратив штольню в слепую кишку. Но вход то должен был остаться, вряд ли пещерный город на противоположном конце кряжа пострадал от взрыва, устроенного Протасовым. Другое дело, если этот путь по-прежнему караулили крымские бандиты? Это было бы очень опрометчиво, с их стороны, тем более, что Юрик был безоружен, как пацифистка на пикнике, приходилось рассчитывать на кулаки, а любой, даже самый умелый кулак – не лучшая защита, когда вокруг полно парней, вооруженных пистолетами.

Впрочем, Юрик считал это маловероятным: *«Зачем им там ошиваться, если их враги практически наверняка погибли под многометровым слоем камней, тому же прихватив с собой их злобучего командира Леню?».*

Подумав об Огнемете, Планшетов содрогнулся, возблагодарив небеса, что его больше нет.

Пока Юрик обдумывал дальнейшие действия, шипение прорванной трубы, доносившееся снизу, переросло в яростное клокотание морского прибора. Пора уносить ноги, сказал себе Юрик. Впрочем, выбора у него не было, а перспектива захлебнуться в толще горы и плавать кверху брюхом, словно дерьмо по канализационной трубе, его абсолютно не устраивала.

«Не в этот раз, ладно, чувак...»

Пожалев, что так и не разжился зажигалкой, следовательно, о сигаретах пока можно забыть, не высекать же иску при помощи камней, Юрик двинулся в обратный путь. О приятелях он старался не думать. *«Ты им уже ничем не можешь, – решил Планшетов. – но, ты еще можешь помочь себе, если как следует постараться, конечно».*

Он пообещал себе постараться.

«И, если повезет».

Удача довольно долго сопутствовала ему, судьба оказалась на редкость благосклонной. Юрик понимал, везение не делают из резины на заводе, это верно, любую белую полосу рано или поздно меняет черная, весь вопрос состоит в том, когда? С другой стороны, оседлав удачу, можно проехать верхом, как на доске по волнам.

Он хотел надеяться, что так и будет.

* * *

В продолжение следующих десяти минут Планшетов убедился, что удача начала отворачиваться от него. Пока она, правда, не развернулась кормой, но он уже лицезрел ее шершавый борт. Лиха беда – начало. Юрик не прошел и ста метров, как услышал впереди невнятные голоса. Какие-то люди шли навстречу, вряд ли – горноспасатели или простые туристы. Вслед за голосами вдали засверкали фонарики, Планшетов убедился, что находится на пути целого отряда вооруженных мужчин, их насчитывалось человек восемь-десять. Юрик наострил уши, и сумел уловить обрывки фраз. Ему их вполне хватило, чтобы сообразить – перед ним бандиты Витрякова, они напуганы и злы, как осы, которым сожгли гнездо.

Юрик рванул назад, думая о старом лисе, обложенном в норе фокстерьерами.

«Какого х... вам здесь надо?! – хотел крикнуть Планшетов. – Валите по домам, уроды!»

В ответ наверняка бы загремели выстрелы, так что Юрик смолчал. Через пару минут, запыхавшийся, он снова, теперь уже в третий раз очутился у панорамного окна. Ему показалось, оно зовет к себе, и еще – злобно ухмыляется при этом. Или вообще облизывается.

«Так я и знал, – пробормотал Юрик, – что придется лезть туда». – Возможно, так и было, на уровне подсознания.

Перекрестившись, как когда-то учила бабушка, а вот теперь он взял, и вспомнил, неожиданно для себя, Планшетов перебросил левую ногу через бордюры. Пошевелил ступней, нащупывая некое подобие узенького козырька, который заметил еще в прошлый раз. Проверил на прочность. Козырек вроде был ничего, довольно надежным. Только невероятно узким, таким, что Юрик вынужден был стоять на цыпочках, пятки торчали над пропастью, откуда к ним тянулась всклокоченная новорожденная горная река.

Он очутился по противоположную сторону бордюра, но, это была только половина дела, следовало как можно быстрее убраться из проема.

«Оставайся, если хочешь, – злорадно шепнул внутренний голос. – Будешь корчить из себя изображение в телевизоре, как гребаный Заяц в одной из серий «Ну, погоди». Правда, он там морочил Волку яйца в магазине, где было полно телевизоров. Здесь же телевизор – всего один».

Планшетов, ступая боком, двинулся прочь, из проема. Ему следовало шевелить копытами, лучи фонарей уже скользили по потолку и стенам в нескольких метрах от проема. Его икры дрожали от перенапряжения, словно по ним пропустили слабый ток, пот тек между лопаток и скапливался в трусах, пальцы нащупывали выбоины в скале, подходящие, чтобы схватиться. В голове ухал пульс. И, тем не менее, он не смел подгонять себя, помня, – одна малейшая ошибка, и он полетит вниз.

В общем, Юрику снова крупно повезло. Он успел отползти в сторону за несколько мгновений до того, как головорезы Витрякова показались в галерее, покинутой им пару минут назад.

– Е... твою мать! – воскликнул один из бандитов. – Ни х... себе! Это и есть Черный грот?

Луч фонаря упал из проема, выхватил из мрака несколько черных, казавшихся осклизлыми скал, очерченных гротескными ломаными линиями с картины какого-нибудь абстракциониста, и рассеялся, остановленный капельками водяной взвеси, подымавшейся над бурлящей рекой.

– Ни х... не видать... – бросил кто-то.

– А что ты собрался увидеть, Митяй?

– Воды до х... – заметил третий голос. – Как бы тоннель не захлестнуло...

– Труба дело будет, – присвистнул Митяй.

– Труба, б-дь, будет, если тебя змея за руку хватанет, – сказал кто-то еще.

– А чего, тут до х... змей? – осведомился Митяй слегка испуганным голосом.

– До х... и больше. Как говна в общественном туалете. Когда вода поднимается, они на стены лезут. Забери граблю, говорю.

«Вот спасибо, – холодея, подумал Планшетов. – Не даром, мать вашу, я об этой дряни вспомнил, когда мы с Валеркой сюда шли».

Луч фонаря вернулся в галерею. Видимо, державший его Митяй одернул руку, напуганный словами товарища.

– Может, назад повернем, пацаны? – предложил кто-то, по другую сторону проема. Чего даром копыта ломать?

– Ты что, б-дь, не слышал, что сказал Вацик? Найти, где завал, и посмотреть, выжил там кто, или ни х... не выжил. Давай, ноги в руки и пошли.

– Валите на х... – одними губами прошептал Планшетов, моля Бога, чтобы они быстрее убрались, а он смог вернуться в галерею. Пальца онемели, Юрик понимал, долго ему не продержаться.

Словно послушавшись его мысленного приказа, бандиты прошлепали дальше. Как только их голоса стали затихать вдали, Планшетов пополз обратно, с трудом передвигая затекшие, деревянные ноги. Когда до спасительного проема оставалось метра полтора, его ладонь, нащупывая очередной выступ, натолкнулась на что-то холодное, и влажное. Его трепещущий мозг зашкалило, как бывает, зашкаливает тахометр, когда обороты двигателя непозволительно велики, потому что педаль подачи топлива утоплена в пол. Мысли под черепом Юрика замесались, словно поршни в цилиндрах, пытаясь совместить ощущение под пальцами с готовым мыслеобразом, который у Юрика уже был.

– Чешуя!!! – во все легкие завопил Юрик, отдергивая руку. Что-то размазанное метнулось следом, запястье пронзила острая боль. Планшетов отшатнулся, носки кроссовок соскользнули с карниза и Юрик, пронзительно вопя, полетел в пропасть.

Глава 4

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ОГНЕМЕТА

Часы тянулись мучительно долго, как будто время замедлило бег, превратившись в идущую против течения баржу. Грузеная щепнем посудина сидела в воде по самые кранцы, и сколько не тужился выдавший виды старенький дизель, стремнина все равно была сильней. Винты выплевывали пену из-под лопастей, но корабль торчал на месте. Берег был пустынным и опостылел экипажу до дурноты.

Андрей торчал у окна, за которым двор превратился в цветную фотографию. Там вообще ничего не происходило на протяжении долгих часов. Даже воздух, и тот, застыл.

Об узнике, похоже, тоже забыли. Никто не беспокоил его с утра, он был предоставлен самому себе и, естественно боли, которая не дремала. Чего-чего, а боли хватало с лихвой. Он мог плавать в ней, как по морю, здорово опасаясь, что захлебнется, а временами – надеясь на это.

Впрочем, как ни странно, именно боль подвигла его на подвиги, а как еще назвать путешествие к двери, совершенное после того, как удалось чудом соскользнуть с койки? Это, конечно, было безумное предприятие с предрешенным результатом, нельзя надеяться отпереть надежную деревянную дверь без ключа, когда половина тела закована в гипс, а другая – сплошной синяк. Бандура понятия не имел, куда подастся, если победит дверь, вдавив язычок засова в тело замка, и далеко ли сможет уйти, со своими гипсами, впрочем, металл оказался упрямей человека. Он был чертовки неподатливым.

Потерпев фиаско под дверью, и только сбив до крови пальцы единственной дееспособной руки, Бандура, тем не менее, не стал возвращаться на койку. Он захромал к окну, опираясь на стену, чтобы не упасть. Боль стала совершенно невыносимой, окатывая разум, прибор полуза-топленную шляпку, которую прилив тащит по отмели. Тем не менее, он шел, и ему казалось, что именно его движения заставляют стрелки часов лениво ползти по циферблату. Он подумал – стоит ему лечь, и они тут же станут. И, уж не тронутся больше никогда.

Подобравшись к окну вплотную, для чего понадобилась целая вечность, он вцепился в массивную, сделанную из толстых стальных прутьев решетку и повис на ней, отдуваясь. Нечего было и думать ее сломать, проще разрушить стену.

Во дворе было тихо и пусто, он словно вымер. В дальнем углу Андрею удалось разглядеть пару машин. Полноприводный грузовик с обитым железом кунгом, вероятно тот самый, что доставил его в усадьбу накануне, после аварии, а за ним – красное «БМВ», которое он разбил. Очевидно, легковушку приволокли в Ястребиное на буксире, и теперь она стояла, накрытая старым брезентовым чехлом. Больше ничего видно не было, тем не менее, Бандура решил не уходить от окна. Занял наблюдательный пост и приготовился ждать неизвестно чего. Вот тогда время и остановилось.

* * *

Тошнотворное затишье продолжалось до позднего утра. Затем, уже ближе к полудню, судя по положению, которое заняло на небосклоне солнце, сонное царство было разрушено, тишина разорвана в клочья, двор наполнился машинами, среди которых преобладали джипы. Что, впрочем, не вызывало удивления, принимая во внимание горную местность, качество окрестных дорог и контингент, прибывший в Ястребиное на зов Лени Витрякова. На День Рождения Огнемета, программу которого очень удачно дополнил экспромт, охота на самую изысканную дичь – человека. Возможно, в мероприятиях, запланированных на вечер, должны

были принять участие дамы, прекрасные спутницы бандитов, однако, Андрей не заметил ни одной, и решил, что они, вероятно, подтянутся позже, когда наступит пора садиться за стол, а чуть позже – ложиться в кровать. Гости Витрякова, все, как на подбор, оказались крепышами с такими физиономиями, от одного вида которых расхочется спрашивать дорогу, если, например, заблудился. Андрей уж точно не стал бы этого делать, а, проехав мимо, перекрестился бы. Большинство крепышей имели при себе огнестрельное оружие, которое никто не прятал.

Бандура немного отодвинулся от окна, продолжая наблюдать за тем, что происходит во дворе. Еще через десять минут на крыльцо вышел Бонифацкий, его сопровождал Витряков. За их спинами маячили двое бессменных телохранителей Боника, Белый и Желтый. Бонифацкий казался чем-то сильно взволнованным. Они прошагали к машине, перебрасываясь фразами, львиная доля которых не достигла ушей Андрея, как он ни напрягал слух. Боник оживленно жестикулировал, Огнетет кусал губы. «Только без проколов, на этот раз, Леня», – кажется, сказал Бонифацкий. «Не ссы, Вацик, все будет ништяк. Встретим по первому, б-дь на х... разряду, – заверил Витряков. – Оторвемся, по полной программе». Кто-то из головорезов поздравил Леонида Львовича с юбилеем, тот даже сподобился изобразить на лице улыбку. Это было все, что Андрею удалось разобрать.

Захлопали дверцы машин. Бонифацкий забрался на заднее сидение темно-зеленой «Тойоты Раннер», Белый занял пассажирское место впереди, Желтый полез за руль. Леня, стоя на подножке джипа, громко крикнул: «Мотыль?!», а потом пару минут растолковывал что-то явившемуся на зов долговязому бандиту, который непрерывно кашлял, но не выпускал изо рта дымящейся сигареты. Бандура подумал, что Мотыль, со своими длинными неухоженными волосами ala Beatles, болоньевой курткой и старыми советскими кедами на ногах кажется среди бритоголовых спортсменов Витрякова балериной в варьете. Тем не менее, он держался с Огнететом на равных, даже препирался с ним через кашель. Наконец, они пришли к консенсусу, который так любил Горбачев, Мотыль отступил на шаг, вытягивая из жеваной пачки очередную сигарету. «Бея?! – заорал Витряков, – тащи свою задницу сюда».

Внешность Бели оказалась классической, он выглядел чистойшей воды бандитом. За Белей Огнетет подозвал еще одного парня, невысокого, но чрезвычайно плотно сбитого. Андрей, из-за своей решетки, немедленно окрестил его каратистом.

Отдав необходимые распоряжения, Витряков, наконец, забрался в джип к Бонифацкому, мотор «Тойоты» заработал, и машина выехала со двора. За ней последовала целая кавалькада джипов, Бандура назвал ее «комитетом по встрече». Судя по внушительной численности «комитетчиков», мероприятие предстояло серьезное.

Как только задние фонари последнего джипа пропали за поднятой колонной тучей пыли, Мотыль и его команда тоже засобирались. Бея залез в кабину видавшего вида «Вранглера», завел двигатель с третьей попытки. Мотыль, уже последовавший за ним, дернул водителя за плечо, показав на окно, за которым прятался Андрей. Секунду или две они разговаривали, затем Мотыль вылез из машины и зашагал к окну, прямо через ухоженную клумбу. Бандура затаил дыхание, сообразив, что его заметили.

Подойдя вплотную к решетке, Мотыль с минуту пристально изучал Андрея, как провинциал, впервые очутившийся в зоопарке какого-нибудь диковинного зверя.

– Ты уделал Ногая? – спросил он, наконец, с неподдельным недоверием. Врать не имело смысла, Андрей скупно кивнул.

– И Рыжего?

– Угу. И его. Другие мне не представлялись.

Мотыль вставил сигарету в угол рта. Андрей с удивлением отметил, что это «Золотое руно», марка, которую он не встречал в продаже много лет, как минимум, с того времени, как распался Союз. Отец как-то достал целый блок, а курить не стал, утверждая, что табак сладкий. В конце 80-х, когда прилавки окончательно опустели, Бандура старший не притронулся

к «Руну», предпочитая самосад, который оставался от деда. Бандура младший, став подростком, придерживался противоположного мнения, таская у отца пачку за пачкой, чтоб было чем баловаться на сельских дискотеках.

– Х... скажешь, зараза, – сказал Мотыль, глядя на Андрея. И покачал головой, поросшей жидкими волосами. Бандура пожал плечами.

– Огнемет тебя на куски порежет, – сообщил Мотыль меланхолично. – Или спалит живьем. Знаешь?

Андрей снова еле заметно пожал плечами. Что еще было делать?

– Только твоих дружков возьмет, и... – Мотыль скрестил руки, изобразив Андреевский крест. – Хана, короче.

– Мотыль?! – крикнул из «Вранглера» Беля, – ты идешь, б-дь?!

– Пошел на х... – сказал Мотыль, не оборачиваясь. – Твои дружки еще круче тебя?

Андрей в третий раз пожал плечами. Мотыль снова кивнул.

– Я из-за тебя бабу не доеб, – сообщил Мотыль доверительно. Представляешь? А, х... с той бабой. Бабы все одинаковые, верно? Смех-смехом, а манда кверху мехом, так? – Мотыль осклабился. Бандура промолчал.

– Яйца болят, – добавил Мотыль с грустью. – Хочешь совет?

Настала очередь Андрея – кивнуть. Он сделал это из вежливости.

– Постарайся сдохнуть до того, как вернется Леня. Пораскинь мозгами, как. Вены там вскрой, зубами, голову пробей, об угол, или кусок гипса отгрызи и подавись. Для твоей же пользы. Доберется он до твоего конца садовыми ножницами, или, б-дь, своей любимой паяльной лампой... поймешь, что к чему...

Андрей опять смолчал. Совет представлялся дельным, бандит, похоже, не потешался над ним.

– Курить хочешь?

Кивок.

– Ладно, – Мотыль вынул изо рта окуроч, взглянул на обслюнявленный фильтр и, передумав, выудил из пачки новую сигарету. Раскурил, вставил Андрею между губ.

– Мотыль?! – крикнул Беля. – Какого х... ты к нему прилип?!

– Хуесосы они все, – сказал Мотыль с презрением. – Защечных дел мастера, б-дь. Ты – нет, – он бросил окуроч на траву. – Ну, ты меня понял, – и, круто развернувшись, зашагал к машине.

После отъезда Мотыля двор вновь погрузился в летаргию, и теперь трудно было вообразить, что по нему только что сновали целые табуны бандитов. Андрей остался у окна, попыхая сигаретой, зажатой зубами. От сладкого пряного дыма кружилась голова, мешая мозгу сконцентрироваться на поиске выхода из безвыходной ситуации. Совет Мотыля он не обдумывал, хоть слова бандита настойчиво стучались в голову. Они стояли прямо под дверью. Перегрызть собственные вены, интересное предложение, не правда ли? Подавиться гипсом, как вам? Но ведь, не прикажешь себе: «Умри», это ничего не даст, слова – не кристаллы цианистого калия, хоть иногда и бывают ядовитыми. Потом пришла мысль устроить пожар, при помощи полученной от Мотыля сигареты, но он не воспользовался ни тем, ни другим. Дал сигарете догореть до фильтра, а затем выплюнул на газон. Их окурки, Андрея и Мотыля, оказались рядом.

* * *

Солнце уже миновало зенит, когда в келью ворвался нарастающий гул моторов. Бандура, встрепенувшись, открыл глаза, чтобы обнаружить себя лежащим на койке под одеялом. Чувствуя головную боль, будто с бодуна, он с трудом помнил, как покинул свой пост у окна, израс-

ходовав гораздо больше сил, чем у него вообще могло быть в принципе. После сна он не почувствовал себя отдохнувшим, зато вчерашние раны, казалось, терзали его с новой силой. Он подумал, что, пожалуй, съел бы с полпачки обезболивающего, а еще лучше – получил укол, но, о нем, похоже, действительно забыли. Или что-то произошло. Что именно, предстояло выяснить. Проклинав все на свете, и закусив ворот рубахи, чтобы не закричать, Бандура заковылял к окну.

У крыльца стояла «Тойота», в которой около полудня укатили Бонифацкий и Витряков. Ни того, ни другого видно не было, но у машины крутились телохранители Боника, Белый и Желтый. Сам внедорожник покрывал слой пыли такой толщины, что судить о цвете машины можно было разве что по крыше.

Чуть поодаль виднелся грузовик повышенной проходимости с крытым кузовом. Он только что сдал кормой к широким дверям, которые, как решил Бандура, вели в хозяйственный блок. Трое или четверо бойцов Витрякова принялись выгружать из кунга раненных. Пострадавших оказалось около десяти, кое-кому из них перепало куда серьезнее Бандуры. Двое или трое были обожжены. Ожоги были тяжелыми, люди, насколько понял Андрей, находились без сознания. Двор наполнился стонами, потому что ранить и получать раны – вещи совершенно разные, согласитесь. Появился доктор, тот самый, что оказывал Андрею первую помощь и которому он, возможно, был обязан жизнью. Док держал в руках саквояж с инструментами, уже знакомый Андрею.

На скорую руку осмотрев раненых, док заявил, что их нужно немедленно доставить в больницу. Стриженный громила в камуфляже и кроссовках «Адидас», бывший среди боевиков за старшего, имел от Витрякова другие инструкции. Разгорелся спор, док отстаивал свое мнение, утверждая, что тут он бессилён. Громила в камуфляже ссылался на Леню, который ясно и четко сказал: никаких, б-дь на х... больниц.

– Раз так, пускай Леонид Львович их и лечит, а я умываю руки!

– Так Огнету и передать, Док?

Доку пришлось апеллировать к Бонифацкому, который очень кстати для него появился на крыльце с массивной трубкой радиотелефона в руке. Значит, Боник все же вернулся, просто Андрей его проглядел.

– Ну, что прикажете делать, Вацлав Збигневович? – доказывал свою правоту док. – Тут срочное переливание крови требуется. Здесь пересадка кожи. Больше пятидесяти процентов обожжено. Чем я помочь могу?! Разве что – вколоть морфин?

Как стало ясно всем, и даже Андрею, который наблюдал за этой сценой издали, судьба пострадавших гангстеров волновала Боника не больше участи каких-нибудь занесенных в Красную Книгу червяков, проживающих в придонном иле далекого тропического моря. Он только отмахнулся:

– У кого из нас диплом? Делайте, как знаете, док.

Пока Боник таким образом разруливал конфликт между доктором и громилой в камуфляже, остальные бандиты таскали раненных в особняк, перебрасываясь отрывистыми фразами бойцов, побывавших в нештучной передраге и отделавшихся относительно легко. Слышно было плохо, тем не менее, Андрею по обрывкам фраз удалось понять, что какие-то залетные гады исхитрились не просто выскользнуть из ловко расставленных силков, но и сожгли при этом полдесятка машин, пустив им навстречу свою, заранее облитую бензином. Столкнувшись на узкой дороге, автомобили полыхнули одним гигантским факелом, вместе с водителями и пассажирами. Несколько головорезов сгорели живьем, раненых было втрое больше погибших.

– Пять тачек на х... в капусту! – вопили местные бандиты. – Рванный и Лис по п... пошли. Обуглились к такой-то матери.

После разговора с Мотылем Бандура представлял, кем были эти «залетные суки», как их называли местные бандиты, и горячо желал «сукам» удачи. Насколько он понял, его друзьям удалось на время стряхнуть погоню с хвоста, но затем их загнали то ли в какое-то ущелье, то ли в пещерный город, где бойцы Огнемета якобы должны были вот-вот перекрыть им кислород. Но, пока не перекрыли, почему-то.

Как только раненых занесли в особняк, во двор заехало еще несколько машин, к Витрякову снова прибыло подкрепление. Смотреть было не на кого, все те же скупые на мысли лица, узкие лбы и косые сажени в плечах, зато оказалось полезно послушать, чтобы среди бряцания оружия и обыкновенной среди таких людей матерщины в три этажа уловить новости, которым уцелевшие в столкновении местные бандиты делились со своими новоприбывшими коллегами. И у тех, и у других не закрывались рты. Превратившийся в слух Андрей узнал новые подробности о том, как трасса была перекрыта тяжелым грузовиком, но водитель киевской иномарки оказался Шумахером, это и был первый блин комом на сковородке, заготовленной Витряковым загодя.

– Дорогу закрыли качественно, – распинался один из бандитов, по виду «качок», которого и зачали, вероятно, в спортзале мама с папой, свихнувшиеся на бодибилдинге в середине 70-х. При разговоре Качок постоянно надувал щеки, словно продолжал тягать «железо», играя бицепсами, о которых и Протасов мог разве что помечтать. – Я думал, все, вилы козлам. Но, водила у них четкий оказался. Точило на пятачке развернул. И как рванет, б-дь...

– Надо было стрелять...

– Да стреляли, б-дь, конкретно. Я лично два рожка выпустил. Но эти суки все равно ушли. У них тачка была – как бронированная. Только габариты мигнули...

– Что за тачка? – спросили у Качка, Бандура затаил дыхание, хоть, пожалуй, знал ответ.

– Чистый американец. «Линкольн Таун Кар».

– Я знал, – прошептал Андрей.

– Нехилые колеса, – телохранитель Бонифацкого по прозвищу Желтый кивнул со знанием дела. – Только с запчастями труба...

Далее Качок поведал то, о чем Андрей уже, в общем слышал. Беглецов в конце концов зажали в ущелье со сложным татарским названием, которое Бандура не разобрал. Хоть и лез из кожи вон. По словам Качка, в ущелье находился заброшенный пещерный город, построенный в незапамятные времена скифами, киммерийцами или караимами, никто точно не знал. Руины пользовались у местных жителей дурной славой гиблого места, и именно вследствие этого пещерный город оказался исключен из реестра туристических маршрутов и не упоминался ни одним путеводителем по Крыму.

– Бывает, забредет коза, собака, или даже человек – и абзац.

– А чего там?

– Х... его знает, чего...

– Херню молотишь языком, – презрительно заявил Качку боевик, которого Андрей с первого взгляда окрестил моджахедом. Его лысый как яйцо череп сверкал в лучах заката, а густая черная борода, когда он говорил, воинственно оттопыривалась вперед. – Кара-Кале – город спящих воинов, понял да? А вы в штаны наложили, двадцать человек четверых взять не могли, шайтан!

Качок не принял вызова:

– Они крутые...

– Вы-то сами хотя бы кого замочили? – наседали те, что не принимали участия в операции. Качок, под ироническим взглядом Моджахеда не стал пускать пыль в глаза:

– Одного зацепило, это точно, насмерть или нет – неизвестно. Я только видел – они его на руках в пещеру занесли. Своего...

Боевики трепались еще минут десять, каждое слово жалило Андрея как отравленный дротик, брошенный в упор. Головорез, которого Андрей окрестил Моджахедом, предложил немедленно ехать в ущелье, чтобы помочь Витрякову взять пришельцев живыми или мертвыми. Ему возразили сразу несколько ртов, упомянув какого-то Цыгана, который, со своими ментами, уже перекрыл наглухо все выходы из катакомб, следовательно, беспокоиться не о чем, можно оставаться здесь, наблюдая за развитием событий со стороны, что, безусловно, исключительно удобно. Чувства, охватившие большинство бандитов, можно было легко понять. Во-первых, дичь не просто показала зубы, но и вонзила их, и весьма результативно, в кое-кого из охотников. Этот печальный, но поучительный пример охладил пыл уцелевших. Они вспомнили, что приехали на день рождения, а до праздничного стола рискуют не дожить. Во-вторых, в горах свирепствовала непогода, небо над вершинами стало черным, а потом поглотило их, столько там скопилось туч. В самом Ястребином пока было сухо, но все шло к тому, что и усадьбу скоро накроет. Грозовой фронт уже оккупировал большую часть небосклона, воздух пах дождем. Бандура подумал, что если бы Бонифацкий отдал соответствующий приказ, головорезам пришлось бы волей-неволей грузиться по машинам и ехать в пещерный город. Но, Вацик не спешил проявлять инициативу, он вообще зашел в дом и больше не появлялся на людях, во дворе, таким образом, установилось безвластие. Разброд и шатания, как наверняка выразился бы Бандура Старший. И, был бы прав.

Потом пошел дождь.

Когда громовые раскаты послышались совсем близко, на тянущемся к Ястребиному проселке появилась новая машина. Гангстеры заметили ее не сразу, хоть она волокла за собой такой пышный шлейф пыли, словно была торпедным катером, занятым постановкой дымовой завесы, чтобы скрыть от вражеских глаз целую эскадру линкоров.

– Кто это прется? – осведомился Моджахед, он оказался самым глазастым.

«Хотел бы я знать», – подумал Андрей, ощутив звенящую пустоту в животе и сухость во рту. Его охватили самые плохие предчувствия, представился Витряков с паяльной лампой или разделочным тесаком, слова Мотыля насчет того, что бывает разумно уйти, не дожидаясь, пока помогут, загремели в голове набатом.

За сотню метров до усадьбы машина сбросила скорость, пылевой хвост воспользовался этим, догнал и проглотил ее. Андрей разобрал перестук дизельного мотора, давно выработавшего ресурс, затем сверкнули включенные фары и автомобиль материализовался из клубов им же самим поднятой пыли, как джин из бутылки.

– Жора прикатил, – сказал один из бандитов и посторонился, пропуская условно белый грузопассажирский микроавтобус «Даф», на котором пыль лежала плотнее, чем пудра на обвисших щеках старой потаскухи.

– Шайтан, – фыркнул Моджахед, и закашлялся.

«Даф» остановился у двери, ведущей в подсобные помещения. Бандиты, чихая и матерясь, обступили вновь прибывшую машину, как голодные коты мусорный бак. Андрей в окне закусил губу, с ужасом ожидая, когда из машины покажется зверская физиономия Витрякова, который наверняка осведомится, не отбросил ли еще копыта киевский гондон, а, услышав отрицательный ответ, велит подать его, канистру бензина и паяльную лампу. Через секунду Андрей облегченно вздохнул. Из-за руля вылез упомянутый бандитами Жора, оказавшийся крепко сбитым молодчиком лет тридцати пяти с лицом, взмокшим от пота. На Жоре были черный свитер с широким вырезом на волосатой груди, и грязные голубые «пирамиды».⁴²

– Как там? – спросил Качок. Удостоив его злым взглядом вместо ответа, Жора налег на грузовую дверь в борту микроавтобуса. Она не подалась, с первого раза, видимо, замок заклинило на ухабах по дороге в Ястребиное.

⁴² Модель джинсов, пользовавшаяся большой популярностью на рубеже 80-х и 90-х годов прошлого столетия

– Ты чего, б-дь, оглох? – обиделся Качок. – Серные пробки в ушах?

– Ты спрашиваешь, как там? – осведомился Жора, вставляя в щель короткий стальной ломик. Дверь со скрежетом откатилась в сторону, обнажив внутренность грузового отсека. Он весь был забит какими-то мешками, Качок, в первый момент не понял, что за мешки? – Там – охуенно, Серега. На, б-дь, посмотри.

– Блядь, – пробормотал Качок, когда до него дошло. – Ни х... себе...

– Эй, помогите, кто-нибудь, – позвал Жора, утирая пот тыльной стороной ладони. Заглянувшие было в отсек головорезы отшатнулись, с проклятиями и ругательствами.

– Ерш твою мать! Что за х-ня?!

– Слепые, блядь?! – отдувался Жора, глядя на них исподлобья. – Слепые, мать вашу, я спрашиваю?! Трупов в жизни не видали?! Груз двести, вот что! В армии никто не служил?!

– Киевские Мотыля завалили, – добавил Жора, немного успокаиваясь. – Опупеть. Белю, и Бойца. И еще пацанов...

Сопя, он потянул на себя продолговатый предмет, завернутый в парусину тента, отдаленно напоминающий наполовину высыпавшийся мешок со свеклой. Предмет заскользил по осклизлому полу с непередаваемо отвратительным звуком. Сквозь плотную материю проступали жирные бурые пятна, еще большее подчеркивая сходство. Впрочем, ни о какой свекле речь не шла, даже самый тупой головорез из собравшихся во дворе понимал это. Потеки были красноречивее всяких слов.

– Помогите, ну! – Жора повысил голос, на лбу вздулась синяя вертикальная вена. – Что, б-дь, приморозило?!

Ряды головорезов вяло заколебались, словно ветви куста на слабом ветерке. А затем расступились, изрыгнув лысого моджахеда, который оказался самым решительным не только на словах.

– Нэдоноссы, – процедил бородач, и сплюнул через плотно стиснутые передние зубы. – Где взят, гавари?

– Через заднюю дверь будет сподручнее, – посоветовал водитель микроавтобуса.

Вдвоем они с трудом выволокли из отсека запеленатый в парусину труп, показавшийся тяжелым, как туша мамонта, добытая из вечной мерзлоты. Жора держал труп за лодыжки, Моджахед – за ткань чуть выше головы.

– Куда его? – хмуро спросил Моджахед. Жора обернулся к доктору, очень некстати для себя выглянувшему из дверей. На голове дока красовалась испачканная каплями крови белая шапочка, стянув с правой руки резиновую перчатку, он нашаривал в кармане брюк сигареты. Док удивленно приподнял брови, вопрос застал его врасплох.

– Как, куда? – спросил доктор, поправив сползающие с переносицы очки.

Моджахед перехватил руку, случайно коснулся головы покойника и сообразил, что она на месте не вся. Выругавшись на непонятном Андрею языке, он машинально отдернул руку, и едва не выронил погибшего.

– Аккуратнее, б-дь, держи! – захрипел Жора. – Док, командуйте, куда!

– Откуда мне знать?! – вызверился врач, – я не Гудвин, трупы не оживляю. И не гробовщик, кстати, тоже... И тут не похоронное бюро, если на то пошло.

– Да мне насрать, кто вы! – в свою очередь перешел на крик Жора. – Огнемет сказал загрузить трупы и доставить в Ястребиное. Я доставил. Все, точка.

– А я тут причем? Тут морга нет, Жора, если ты забыл, так я тебе напоминаю! Куда их девать? – док так разошелся, что забыл о сигарете, которую собирался подкурить. – Что мне с ними прикажете делать?!

Жора пожал плечами. В принципе, он не собирался ссориться. Он вообще не был бандитом, а перешел Бонифацкому по наследству вместе с охотничьими угожьями, которые в советские времена были природоохранным заповедником. В своей прошлой жизни Жора служил

егерем. Просто с тех пор кое-что изменилось, кроме того, что людям надо что-то есть, чтобы жить. У Боника Жора выполнял функции завхоза, что ли.

– Спросили у больного о здоровье, док...

– Много у тебя их? – доктор немного успокоился, разумно рассудив, что криками делу не поможешь.

– Восемь человек. Двухсотых.

Качок присвистнул. Моджахед снова сплюнул.

– Ни х... себе, – сказал плотный мужчина с высокими зальсынами. Приятели звали его Муриком. – Вот это – день рождения...

– Язык попридержи, – посоветовал Мурику другой бандит, худой, щуплый, со старомодными бакенбардами, которые в далекие 70-е любили носить уголовники со стажем.

– А что я не так сказал, Копейка?! – курносое и круглое лицо Мурика потемнело от гнева.

– Да заткнитесь вы оба! – рявкнул громила в камуфляже. – Командуйте, док. Вы тут – главный.

– Укладывайте пока под стенку, – определился док после минутного колебания. Быть главным ему совсем не хотелось. – Вот тут, в тени.

– Скоро ливень начнется, – неуверенно протянул Жора, покосившись на тучи, висевшие уже буквально над головой.

Док вздохнул. Жора был прав.

– Хорошо, – согласился врач. – Давайте временно у стены положим. Скоро вернется Леонид Львович, пускай решает, в ледник их, или куда... может, сразу в землю... и вот еще, – док щелкнул пальцами. – Жора, пускай кто-то ходит в мастерскую, там, кажется, есть рулон клеенки, от строителей остался, накроете их, как уложите всех. Придавите, что ли, кирпичами... – С этими словами док умыл руки, и даже передумав курить, вернулся к своим раненым, которым, как он надеялся, еще мог помочь.

Жора и Моджахед опустили завернутое в брезент тело на газон у стены и двинули за следующим, безжалостно топая по цветам, выпестованным садовниками Бонифацкого с величайшим тщанием. Спустя минуту к ним присоединились Качок и Желтый телохранитель Бонифацкого, затем за дело взялись еще несколько бандитов.

– Тьфу ты черт, – фыркнул Желтый, когда они вытаскивали из кузова очередного покойника. – Горелым мясом воняет, б-дь.

– А ты как думал?! – зашипел Жора. – Пацаны в джипе сгорели. Чем вонять должно, потвоему?! Фиалками, блядь?!

Никто не рассчитывал на такие потери, брезента естественно не хватило всем. Когда им попался полностью обгоревший труп со скрюченными в позе боксера конечностями, обуглившейся маской вместо лица и съехавшими на затылок остатками шевелюры, передернуло даже самых выдержанных. Желтый зажал кулаком рот, отвернулся, секунду или две боролся с тошнотой, проиграл и опустошил желудок густой струей, мощной, как гейзер на Камчатке.

– Твою мать! – выругался Качок. – Я сейчас тоже блевану. – И он отошел, утирая побывавшую по подбородку слюну.

Между тем, худшее было впереди. За тремя обгоревшими трупами последовали тела бандитов, которые по разным причинам упали со скалы. Одних сбросил в пропасть Планшетов, других подкараулил на карнизе Протасов, с гранатами. Ветер поднял старый выцветший плед, и бандиты узрели труп Мотыля. На тело было страшно смотреть, казалось, в нем не осталось ни единой целой косточки. При падении Мотыль несколько раз ударялся об уступы, шею вывернуло под невероятным углом, фрагмент затылка отсутствовал, в руках и ногах добавилось с полдесятка новых суставов, они стали гуттаперчевыми.

– Чем его сгрести?! Лопатой?! – протянул Качок, зеленея.

– Рот прихлопни, – посоветовал Громила в камуфляже. – Только утром с Мотылем базарили. Он еще жаловался, что Леонид Львович его прямо с подруги снял...

– Тэпэр нэ дотрахаает, – глубокомысленно заключил Моджахед.

– Он курицу гриль с собой прихватил, – сказал Жора совсем потерянно. – И пол-литра спирта. Предлагал отметить, как все закончится.

– Еще, видать, и не переварил... – предположил Качок. Желтого телохранителя Бони-фацкого снова вывернуло наизнанку.

Они кое-как выгрузили из микроавтобуса Мотыля, уложили под стеночкой. Затем настала очередь немногословного противника Планшетова, хорошо знакомого братве под прозвищем Боец. Труп Бойца был в удручающем состоянии, его тело разорвало пополам. Когда они справились и с этим, дело дошло до трупов головорезов, обрушившихся в пропасть вместе с карнизом стараниями Протасова, даже у Жоры, который это уже видел, опустились руки. Качку стало дурно, и он куда-то ушел.

– Зачем было их сюда тащить? – шатаясь, спросил Желтый. Он ни к кому конкретно не обращался.

– Спросишь у Леонида Львовича, – пресек разговоры Жора. – Ладно, пацаны, подайте мне во-он тот скребок.

Андрей, окаменев от ужаса, следил за жуткой мозаикой, выложенной боевиками у самой стены. На фоне живописной, будто на открытке природы штабель изуродованных трупов смотрелся чудовищным фотомонтажом, заказанным конкурентами, чтобы навсегда отпугнуть туристов.

Последним боевики вытащили из микроавтобуса труп крупного мужчины с головой, поросшей короткими рыжеватыми волосами. Тело прекрасно сохранилось.

– Это кто? – спросил Моджахед, прищутив глаз. – Я его нэ знаю.

– Киевский, – пояснил Жора. – В пещере нашли. Они его бросили.

– Одын?! – Моджахед выставил перед собой палец, потом выразительно посмотрел на груды трупов под стеной. Соотношение потерь было очевидно не в пользу витряковцев, разница бросалась в глаза.

– Профессионалы, – признал Жора неохотно, – правильно Мотыль говорил.

– На х... его сюда перли? – возмутился Качок. – С нашими? Ну, на х...? Вообще без руля! Жора, закусив губу, адресовал его к Витрякову:

– К Огнемету все вопросы, усек?!

– Я это говно таскать не буду! – возмутился Качок и разжал пальцы. Тело с глухим стуком упало на мощеную камнем дорожку. – Бля буду, не буду. Желтый, державший труп с другой стороны, тоже его выпустил.

– Правильно. Пускай бы его вороны склевали на х...!

Поскольку это было последнее тело, Жора, кряхтя, ухватил труп за ноги и поволок к остальным мертвецам. Рыжий затылок покойника подпрыгивал на брусчатке, руки задрались над головой, словно он хотел сдаться, но не успел. Андрей на своем наблюдательном посту закусил губу и до боли стиснул решетку. Он узнал Вовчика. Он не мог ошибиться.

* * *

Падая, Планшетов не удержался и пронзительно завопил. Не всем достает мужества и выдержки, чтобы лететь в пропасть молча, как это делали, если, конечно, верить легенде гладиаторы Спартака, спускавшиеся с Везувия по сплетенным из лозы веревкам, чтобы ударить в тыл ничего не подозревающим римлянам. Боевики, услышав этот вибрирующий отчаянный вопль, едва не надули в штаны от неожиданности, испугавшись, пожалуй, не меньше стремительно удаляющегося Планшетова.

Сказать, что Планшетову было страшно, означает только даром напрячь связки. В подобных ситуациях сердцу полагается проваливаться в пятки. Планшетов, впоследствии, был готов оспорить эту расхожую поговорку, утверждая, что его «мотор» в тот момент выпрыгнул из груди через щель между двумя ребрами. За сердцем последовало сознание, метавшееся под черепом в поисках спасения, как пассажир по салону падающего камнем самолета. В общем, разные составляющие его естества рванули из тела, которое полагали обреченным, как крысы с тонущего корабля, мало заботясь тем, есть ли где-то обетованная земля, что готова их пригреть. Все это длилось считанные мгновения, которые Планшетов не считал, целиком превратившись в крик. Потом Юрик спиной ударился о воду, с перепугу показавшуюся ему усеянным валунами дном расщелины. Он даже не услышал плеска, в момент касания сработал механизм биологической защиты от эмоциональных перегрузок, и выключил Юрика. К счастью, всего на секунду, и он не успел захлебнуться. Ледяная вода обожгла его, приведя в чувство. Сообразив, что тонет, Планшетов захлопнул рот и рванул на поверхность. Там клокотали буруны, зато был кислород. Юрик хватал его перекошенным ртом.

Беснующиеся потоки сшибались между собой, с грохотом ударяли в стены, рассыпались тысячами брызг и, шипя, откатывались, чтобы вступать в единоборство снова и снова. Планшетова ежесекундно обдавало пеной с такой силой, словно ее подавали из брандспойта. Свиристое течение подхватило Юрика и он полетел, кувыркаясь как несчастный окунь, которого засосало в турбину ГЭС.

«Вот так аттракцион!» – мелькнуло у него, пришло некоторое облегчение, как-никак, пока все шло более или менее, ведь он остался жив. До сих пор Юрику не случалось побывать в аквапарке, водные горки он видел пару раз по телевизору, в передаче Крылова,⁴³ причем экран был черно-белым. Впрочем, то чем мог похвастать любой самый забойный аквапарк, не шло ни в какое сравнение со стремниной, игравшей Юриком в ватерполо. Невиданная болтанка заставила его забыть даже о змеином укусе, или кто там его прикусил. Его перебрасывало из омота в омут, его вращали водовороты и с головой накрывали волны, а он, изо всех сил стараясь не нахлебаться воды, еще и защищал голову, которой ежесекундно грозила трепанация.

⁴³ Речь о передаче «Путевые заметки Дмитрия Крылова»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.